

И. Г. Семёнов

**КАВКАЗ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
ИРАНА С ВИЗАНТИЕЙ И ТЮРКСКИМ КАГНАТОМ
В 556–591 ГОДАХ**

Настоящая работа нацелена на исследование кавказского подтекста ирано-византийской войны 572–591 гг. Многие элементы этой темы остались бы неясными без освещения кавказской политики Ирана в предшествующие полтора десятилетия и, в частности, без реконструкции ирано-савирских и ирано-византийских отношений в этот период. Вследствие этого хронологические рамки данной статьи несколько расширены.

Прежде всего необходимо напомнить, что приблизительно с 500 по 559 гг. савиры являлись наиболее активной в политическом плане этнической группой Северного Кавказа. Во время ирано-византийских войн они выступали в качестве союзников то Ирана, то Византии, не брезгуя при этом в течение одной кампании переходить из одного военного лагеря в другой. Савиры по сговору с византийцами несколько раз атаковали территорию Ирана¹, причем некоторые из этих атак оказались весьма чувствительны для Ирана. Однако силы савир были сравнительно невелики – их общая численность составляла 100 тыс. [*Ioannes Malalas, 1831, p. 430–431*], что не позволяло им решающим образом повлиять на ход ирано-византийских войн.

В 556 г., когда завершилась очередная война Ирана и Византии, значение савир для обеих сторон пошло на убыль. Через два года савиры и другие народы этого региона подверглись нападению авар. Последние в 557 г. бежали от тюркского кагана в Предкавказье.

¹ Наиболее полный и связанный очерк истории савир см.: [Артамонов, 1962, с. 69–78]. См. также: [Семёнов, 2013, с. 52–69].

зьё² и направили посольство в Константинополь³. Их послы получили благожелательный прием, а ответное византийское посольство весной того же года заключило союз с аварским каганом Баяном [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 4, с. 321–322; отр. 5, с. 323] (см. также: [*Ioannes Malalas*, 1831, р. 489. 11–12]). По данным Менандра Протектора (VI в.), вслед за этим авары разгромили утигур (Οὐτιγούροι), савир и залов (Ζάλοι) [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 5, с. 323–324]. Феофилакт Симокатта (VII в.) приводит несколько иной список разбитых аварами народов: уннугуры (Οὐννουγοῦροι), савиры и барсельты [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 1–4] (Βαρσήλτ). И. Марквартом была предложена конъектура (бар)зал < барсил [*Marquart*, 1911, S. 17; *Marquart*, 1924, S. 324], но более поздние исследователи сочли ее неприемлемой (см., например: [*Maenchen-Helfen*, 1973, р. 440]). Можно также отметить, что по предположению Л. Н. Гумилёва, авары заключили также союз с Ираном [*Гумилёв*, 1967, с. 37, 38], но эта гипотеза не опирается на показания источников.

Разгромив утигур, авары покинули Северный Кавказ и переместились дальше на запад: через причерноморские степи и Карпаты они вышли к Дунаю и осели в Паннонии. Вероятно, их переселение на запад было связано с опасением, что тюрки предпримут против них карательную экспедицию.

В результате переселения авар на запад савиры обрели независимость, но оправиться от поражения они так и не смогли – спустя короткое время шаханшах Хосров I Ануширван (531–579) направил в Прикаспийский Дагестан свою армию, которая довершила разгром савир. Об этом сообщает арабский историк ат-Табари (839–923). По его словам, Нуширван (Хосров I Ануширван) направил войска против народов «абхаз, банджар, баланджар и алан» [*at-Tabari*, 1879, ser. I, р. 895]. Здесь абхазами названы не хорошо

² Подробнее о конфликте между аварами и тюрками см., например: [*Кляшторный, Савинов*, 1994, с. 18; *Кляшторный, Султанов*, 2000, с. 77, 86]. Э. Шаванном было высказано мнение о том, что авары византийских и западноевропейских источников тождественны жуань-жуаням китайских источников [*Chavannes*, 1903, р. 87]; большинство исследователей согласны с этим (см., например: [*Franke*, 1935, Vd. 3, S. 286, 287; *Haussig*, 1957; *Кляшторный, Савинов*, 1994, с. 12; *Кляшторный, Султанов*, 2000, с. 77; и др.]).

³ По мнению И. С. Чичурова, посольство авар могло иметь место между декабрем 567 г. и февралем 568 г. [*Чичуров*, 1980, с. 82, комм. 96], т. е. вторжение авар в Предкавказье может относиться и к последним месяцам 567 г.

известные абхазы Западного Кавказа, а савиры (см. ниже). В данном случае источником арабского автора послужило несохранившееся среднеперсидское сочинение «Хвадайнамак» («Книга царей»).

Рассматриваемое сообщение ат-Табари не датировано. В другом месте своей книги он возвращается к этому событию и помещает его сразу же после сюжета об окончании войны Хосрова I против Византии и непосредственно перед рассказом о начале войны с эфталитами (мирный договор с Византией был заключен в 561 г. [Менандр Протектор, 1860, отр. 13, с. 356], а война с эфталитами началась в 562 г. [Гумилёв, 1967, с. 40]): «Затем [Кисра] вернулся из Рума и направился в сторону хазар и отомстил им за обиды по отношению к его подданным» [at-Tabari, 1879, ser. I, p. 898]⁴. Очевидно, это сообщение было заимствовано ат-Табари из очень позднего источника, так как вместо перечня этнонимов «абхаз, банджар, баланджар и алан» в нем присутствует лишь имя хазар, что справедливо лишь отчасти: все народы, перечисленные в первом сообщении, в VII–IX вв., ко времени жизни ат-Табари жили на территории Хазарского каганата.

Л. Н. Гумилёв полагал, что война Хосрова I против савир имела место непосредственно перед заключением ирано-византийского мирного договора 561 года [Гумилёв, 1967, с. 43]. С этим нельзя не согласиться: Хосров I должен был немедленно воспользоваться успехом авар и, не давая савирам прийти в себя, довершить их разгром. Исходя из этого соображения, поход персов в Приморский Дагестан можно датировать второй половиной 558 г. или 559 г., но не позднее 560 г. Поскольку уверенно ни об одной из этих дат говорить не приходится, то остается относить разгром савир персами приблизительно к 559 г. [Семёнов, 2002, с. 24].

Итак, около 559 г. Хосров I направил свою армию против северокавказских степняков. Данные ат-Табари (с опорой на сообщение «Хвадайнамака») о масштабах этой экспедиции персов находят косвенное подтверждение в гипотезе М. С. Гаджиева о том, что крепостные сооружения современного Хумаринского городища (в современной Кабардино-Балкарии) были возведены не хазарами, как это считалось ранее, а Сасанидами, причем сооружение

⁴ Цитирую по переводу А. Р. Шихсаидова [Шихсаидов, 1986, с. 70]. Ас-Са`алиби излагает ход событий в такой же последовательности: заключение Ануширваном мира с Византией, война с хазарами, война с эфталитами [Tha`alibi..., 1900. P. 614].

этой крепости может быть отнесено к правлению Хосрова I [Гаджиев, 2013, с. 51–65].

Судя по всему, Хосрову I удалось установить контроль также над значительной частью современного Дагестана. Персы атаковали также союзников Византии – алан и утигур (банджар)⁵. У ат-Табари сообщается о том, что из среды «абхаз, банджар, баланджар и алан» Ануширван взял 10 тысяч заложников и переселил их в Азербайджан, то есть на территорию, подконтрольную спахбеду Адурбадагана, а она, по словам того же ат-Табари, простиралась вплоть до границы Хазарии [at-Tabari, 1879, ser. I, p. 894]. Я специально обращаю на это внимание, так как, по данным Менандра Протектора, в 576 г. потомки этих пленных жили к северу от Куры (см. ниже)⁶. Кроме того, согласно данным Менандра, это были савиры и аланы, и они являлись не столько заложниками, сколько наемниками, получавшими от шаханшаха жалованье за несение воинской службы [Менандр Протектор, 1860, стр. 43, с. 411–412; стр. 44, с. 415–416]⁷. Вероятно, их обязанность сводилась к охране вверенных им крепостей и защите рубежей Сасанидского государства.

М. И. Артамонов полагал, что в перечне «абхаз, банджар, баланджар и алан» первый этноним следует читать как «хазар» [Артамонов, 1962, с. 126; см. также: Гадло, 1979, с. 96, прим. 80]. Однако если принять во внимание, что до 559 г. политическое преобладание в Северо-Западном Прикаспии принадлежало савирским родам⁸, то под первым этнонимом должны скрываться савиры. Надо также иметь в виду, что «абхаз» – это не описка, так как средне-

⁵ Предложенное И. Марквартом отождествление бананджар с болгарами [Marquart, 1898, S. 96; Marquart, 1903, S. 16, 356] было поддержано и более поздними исследователями (см., например: [Dunlop, 1954, p. 23–24; Артамонов, 1962, с. 126; Ludwig, 1982, S. 36, 114; Ромашов, 2001, с. 229]). Однако это мнение должно быть оспорено: из крупных этнических групп, упоминаемых в этот период византийскими авторами, бананджары могут быть отождествлены только с утигурами.

⁶ О вхождении многих закавказских владений в состав шахра Адурбадаган свидетельствуют и другие факты (см.: [Гаджиев, 1998, с. 13, 33, прим. 8]).

⁷ А. В. Гадло считал, что эта группа савир бежала в Албанию от авар [Гадло, 1979, с. 89]. Ибн ал-Асир писал, что Ануширван платил деньги северокавказским народам за то, чтобы они не нападали на Иран [Материалы по истории Азербайджана..., 1940, с. 9], но речь должна идти не о дани, а о жаловании, которое савиры и другие народы, переселенные Хосровом I Ануширваном на юг, получали за свою службу.

⁸ О локализации савир в Северо-Западном Прикаспии см.: [Семёнов, 2011, с. 46–50].

вековые мусульманские авторы неоднократно упоминают город Абхаз, находившийся к югу от Самура [*Ал-Истахрий*, 1901, с. 29–31; *Ибн-Хаукаль*, 1908, с. 101; *Ал-Мукаддасий*, 1908, с. 9, 17], а «История страны Алуанк'» («История Албании») упоминает в этой же зоне народ абхазов [*Мовсэс Каланкатуази*, 1984, гл. 3. 17]. Поэтому можно предполагать, что термин «абхаз» являлся наименованием одного из ведущих подразделений савир или группы наиболее знатных савирских родов, а город Абхаз получил свое наименование по имени пленных савир-абхаз, поселенных в нем Хосровом I [*Семёнов*, 2002, с. 24, 25]⁹.

Можно также обратить внимание и на то, что ал-Балазури, ссылаясь на рассказ жителей г. Берда'а (его армянское название – *Партав*¹⁰), сообщает, что Кобад (сасанидский шаханшах Кавад I (488–531)), разгромив хазар (то есть, в данном случае, савир) построил несколько городов и в их числе «город Кабалу, что есть Хазар» [*ал-Баладзори*, 1927, с. 5]. Вероятнее всего, именование жителями Берда'а близлежащего города Хазаром, было связано с тем, что Кабала явилась одним из пунктов, в котором Хосров I поселил заложников, взятых у савир, хазар, алан и утигур.

Еще одним возможным пунктом сосредоточения савир, взятых персами в заложники, являлся город Тавус и его окрестности. В раннесредневековых армянских источниках население этого города упоминается как *севордик'*, то есть «севордийцы», а в арабоперсидских – *сийавурдийа* или, правильнее, **савардийа* (см.: [*Marquart*, 1903, S. 36, 38; *Minorsky*, 1953, p. 26, 74; *Moravcsik*, 1958, Bd. II, S. 223]). В. Ф. Минорский [*Минорский*, 1963, с. 214, прим. 115] полагал, что **савардийа* (севордик') – это та часть мадьяр, которые, по преданию, зафиксированному Константином Багрянородным, именовались савартами-асфалами (Σάβαρτοι ἄσφαλοι) и которые переселились в «края Персии» [*Константин Багрянородный*, 1989, гл. 38, с. 159]. Однако, поскольку другие источники не сообщают о переселении каких-либо групп мадьяр в Закавказье, то было бы логичнее считать, что **савардийа* (севордик') являлись потомками тех пленных савир, алан и болгар, которые при Хосрове I были переселены в Закавказье.

⁹ Другие точки зрения относительно этнической идентификации восточнокавказских абхазов см.: [*Алиев, Асланов*, 1975, с. 75–76].

¹⁰ О различных наименованиях этого города в источниках см.: [*Гаджиев*, 2011, с. 22].

По сообщению Ибн ал-Факиха (X в.), «в дни удаления Язида ибн Усайда из Армении» *савардийа разрушили город Шамхор [Ибн-ал-Факих, 1902, с. 27]. Это дало М. И. Артамонову повод предполагать, что время поселения савардийа в Армении должно относиться к 762 или 763 г., когда закончилось пребывание Язида ибн Усайда на посту наместника Армении [Артамонов, 1962, с. 330, 349]. Однако из данных Ибн ал-Факиха такой вывод никак не следует – он сообщает лишь о том, что савардийа «устроили союз в дни удаления Язида ибн Усайда из Армении», что очень трудно как-либо истолковать. Кстати, об этом сообщает и ал-Балазури: савардийцы разрушили г. Шамхор, «это был народ, который стекался со всех сторон, после того как Язид ибн Усайд покинул Армению» [Ал-Баладзори, 1927, с. 14].

В 561 г. Хосров I перебросил свои войска в Среднюю Азию и развернул военные действия против Эфталитского царства, традиционного соперника Ирана в этом регионе. В 565 г. к войне против эфталитов подключился Тюркский каганат, с которым Хосров I заключил союз. Ирано-тюркский договор был скреплен династическим браком между самим Хосровом I и дочерью Истеми, правителя западной части Тюркского каганата. По сообщению ат-Табари, этот брак был заключен за год до войны с эфталитами, то есть в 560 г. Ударами с двух сторон персы и тюрки полностью разгромили Эфталитское царство, а его территория была разделена между победителями [Noldeke, 1879, S. 159; Bury, 1899, vol. II, p. 314; Пигулевская, 2000, с. 271; Гумилёв, 1967, с. 39–40; и др.].

Сразу же после этой победы отношения между союзниками разладились, и в 568 г. началась ирано-тюркская война. Тюрки предприняли наступление в Горгане (Гиркания античных источников, юго-восток Прикаспия). Одновременно с этим они развернули экспансию в Предкавказье и Восточную Европу и не позднее 572 г. подчинили ряд местных племен – хазар, утигур и северокавказских алан. Тем самым, они вышли к границам Византийской империи и к кавказским провинциям Сасанидского государства. Судя по всему, рейд на Северный Кавказ был рассчитан не только на расширение границ каганата, но и на создание плацдарма для атак на иранскую территорию через Дербентский проход. Однако Хосров I понимал, с каким грозным противником ему придется иметь дело, и заблаговременно предпринял внушительную работу по перестройке системы обороны проходов со стороны Северного Кавказа.

Первоочередным мероприятием в этом отношении стало укрепление связей с местной элитой. В частности, правителям мелких владений на Восточном Кавказе были пожалованы титулы шахов (*šāh* – «царь»). Такая практика имела место и при предшественниках Хосрова I, но он расширил число этих владельцев за счет правителя Хайдака, Сарира, Гумика, Тумана, а также смежного с Хайдаком Зирех-Герана. Последнее стало возможным только после окончательной победы над савирами.

Параллельно с этим велись работы по реконструкции старых и строительству новых укреплений в кавказских горных проходах, причем, судя по данным арабо-персидских и грузинских средневековых источников, фортификации строились во всех горных проходах, через которые можно было бы ожидать вторжений с севера. Наиболее грандиозным в этом отношении являлся Дербентский оборонительный комплекс, включавший в себя цитадель на склоне Джалганского хребта, а также спускавшиеся от нее к морю две параллельные 4-километровые стены и 43-километровую Горную стены, перекрывавшую возможность обхода основных укреплений Дербента со стороны гор. Дербент. Он становится ядром всей системы обороны кавказских горных проходов. Там размещается резиденция марзбана, военного правителя, которому, по всей видимости, были подчинены все местные правители.

Судя по всему, в этот же период на Большом Кавказе расширяется сеть дорог, позволявшая эффективней доставлять строительные материалы и рабочие бригады на строительные площадки и с наименьшими издержками по времени перебрасывать войска к тем участкам оборонительной системы, где возникала угроза вражеского вторжения. По всей Албании вдоль основных дорог строятся городки, которые заселяются выходцами из собственно Ирана. Это позволяло, во-первых, вести постоянную охрану дорог, во-вторых, создавало мобилизационный ресурс на случай внезапного нападения противника. Наиболее густая сеть персидских военных колоний была создана в северо-восточной части Албании [*Халилов, Аразова, Ахундов, Кошкарлы, 1982, с. 27–28*], а также в Дербенте и вдоль его Горной стены.

Таким образом, можно констатировать, что реформирование Хосровом I сасанидской системы обороны на Кавказе явилось комплексным мероприятием, включавшем в себя политический, административный, градостроительный, фортификационный и собст-

венно военные элементы. Реализация этих мероприятий потребовала напряжения всех сил населения Ирана, но взамен он получил возможность оградить себя от нападений нового противника, равного которому по мощи Иран ранее не знал. Напомню, что к началу первой тюркско-иранской войны Тюркский каганат простирался от северо-западных границ Китая до Северного Причерноморья.

В противоборстве со столь грозным противником, который, к тому же имел возможность атаковать сасанидские владения не только в Средней Азии, но и на Кавказе, забота об укреплении своих границ была необходима, тем более что война с Византией все еще продолжалась. В Горгане Хосровом I еще ранее были проведены столь же масштабные мероприятия по укреплению и расширению там сети фортификаций. И первая оборонительная система, с которой тюрки столкнулись в 568 г., была именно горганская. Тюрки не смогли преодолеть выстроенные персами сооружения, и военные действия там приняли вялотекущий характер. Судя по всему, тогда же тюрки предприняли разведку боем и на Восточном Кавказе, но убедившись, что персы и там заблаговременно выстроили эффективную оборонительную систему, повернули назад и обратились к подчинению алан и утигур. В 571 г. между Тюркским каганатом и Ираном был заключен мирный договор, в соответствии с которым Иран шел на незначительные уступки тюркам в Средней Азии [Noldeke, 1879, S. 158, 159].

В связи с ирано-тюркской войной 558–571 гг. обращает на себя внимание еще один факт: из существующих интерпретаций среднеперсидской строительной надписи № 7 на северной городской стене Дербента наиболее логичной представляется та, которая предполагает ее чтение как «37-й год Хосрова»¹¹, то есть $[532 + (-1) + 37 =] 568/69$ год¹², так как она превосходно вписывается в хронологию и контекст описанных выше событий. В связи с этим нельзя не отметить, что сооружение столь дорогостоящих фортификаций, как Дербентский оборонительный комплекс, не могло быть направлено на защиту от савир, так как савиры были сравнительно малочисленны (см. выше). Иранским правителям было

¹¹ Обзор высказывавшихся вариантов чтения дербентской среднеперсидской надписи № 7 см.: [Гаджиев, 2006а, с. 77–94; Gadjev, 2008, p. 1–15].

¹² Официально первый год правления Хосрова I начался не в сентябре 531 г., когда тот в действительности занял трон, а в день весеннего равноденствия (21 марта) 532 г., когда происходила его коронация.

проще подкупать их за сравнительно небольшие деньги, что они и делали. Беспрецедентная по своему характеру угроза Ирану со стороны Северного Кавказа возникла в правление Хосрова I лишь однажды, а именно в период ирано-тюркской войны 568–571 гг. Кроме того, можно напомнить, что дата «37-й год Хосрова» приводится также в отчасти анахронистических сообщениях среднеперсидского сочинения «Жизнеописание Ануширвана», посвященного Хосрову I. Выдержки из этого труда сохранились в пересказе арабского средневекового автора Ибн Мискавейха (умер в 1034 г.)¹³.

В свете этих фактов представляется более чем обоснованной поддержка М. С. Гаджиевым интерпретации дербентской среднеперсидской строительной надписи № 7 как «37-й год Хосрова» и его же заключение о том, что эта дата маркирует собой завершающий этап строительства северной городской стены Дербента, тогда как датой начала строительства является 568 г. [Гаджиев, 2006а, с. 77–94; Гаджиев, 2006б, с. 24–38; Гаджиев, Касумова, 2006, с. 101, 107; Gadjiev, 2008, p. 1–15].

Эти события привели к укреплению позиций Ирана на Восточном Кавказе, а также и к усилению власти местных правителей, которые теперь могли в большей степени, чем раньше, опираться на поддержку иранских властей. Но в этот же период позиции Ирана в Большой Армении и Грузии (Картли) существенно ослабли. Прежде чем перейти к рассмотрению этих событий, полагаю необходимым вкратце осветить религиозную ситуацию, складывавшуюся в этот период в Закавказье и в собственно Иране.

Одним из последствий маздакитского движения в Иране явилось общее ослабление там влияния зороастризма. В то же время, успехи христианских миссионеров там были настолько значительными, что о навязывании иноверцам зороастризма речи уже быть не могло. Хосров I прекратил преследование христиан и евреев, что позволило установить религиозный мир внутри Сасанидской державы. Впрочем, некоторые ограничения к дальнейшему распространению христианства продолжали сохраняться. Так, например, зороастрийцам воспрещалось принимать крещение. Кроме того, иранские власти по-прежнему поддерживали только несторианское и монофизитское течения христианства, а халкедонитское, ставшее при императоре Юстиниане I господствующим в Византии,

¹³ Перевод ряда сюжетов труда Ибн Мискавейха и комментариев к ним см.: [Колесников, 1998, с. 78–83].

преследовалось в Иране, как и раньше. Но, несмотря на это, халкедонитство получало все большее распространение в Закавказье. В этот же период там продолжался процесс укрепления и расширения позиций несторианства. Возникшее в Византии течение иконоборцев также находит своих сторонников в кавказских странах [Мовсэс Каланкатуацци, 1984, гл. 2. с. 46]. Это заставило армянского католикоса Иоанна II (Иоганнэс, 557–574) созвать в 565 г. третий собор закавказских церквей. Собор был нацелен главным образом на принятие актов, осуждающих халкедонитство, но он, как предыдущие кавказские соборы, признал ересью также несторианство и предал оба эти течения анафеме.

Тем не менее халкедонитские и несторианские проповедники продолжали активно действовать в Закавказье, что побудило армянского католикоса Иоанна II направить послание албанскому католикосу тэр Абасу, а также правителю Сюника Михр-Арташиру и епископу Сюникскому Вртанэсу. В этом послании Иоанн II требовал изгнания иноземных проповедников: «Гоните прочь подобных из пределов ваших и вовсе не слушайте их губительных проповедей» [Мовсэс Каланкатуацци, 1984, гл. 2. 7]. Тэр Абас так и поступил, но в самой Армении, а также и в Картли халкедонитство продолжало усиливать свои позиции.

Из упомянутого послания католикоса Иоанна II становятся известны названия епископств Армении и Албании: в Армении – Таронская, Мардапетаканская, Тайкская, Хорхоруникская, Ванандская, Сирийская (за пределами Большой Армении), Аматаунеанская, Рштуникская, Моксская и др., в Албании – Бахалатская, Кабалакская, Амарасская, Баласаканская, Шакинская, Гардманская (Гардабанская), и Мец-Колманкская [Мовсэс Каланкатуацци, 1984, гл. 2. 7]. Тот факт, что в этом списке отсутствует название Дербента (Чор), можно интерпретировать следующим образом: вероятно, после перенесения в 552 г. патриаршего престола из Чора в Партав, Чор продолжал оставаться под непосредственным управлением албанского католикоса.

В 571 г. в Персармении и Картли поднялось антииранское восстание. Восставшие перешли под верховенство византийского императора, что вызвало тяжелую ирано-византийскую войну, продолжавшуюся почти два десятилетия.

Основные источники по данной теме имеют византийское происхождение. По степени надежности и значимости для настоящей

проблемы их можно перечислить в следующем порядке: сохранившиеся в цитатах более поздних авторов фрагменты сочинения Менандра Протектора (VI в.)¹⁴, «История» Феофилакта Симокатты (VII в.) [*Theophylactus Symocatta*, 1887], «Церковная история» Евагрия Схоластика (VI в.) [1898]¹⁵. Все эти источники написаны посреднегречески. Другой важный византийский источник – написанная по-сирийски «Церковная история» Иоанна Эфесского (VI в.) [*Iohannes Ephesus*, 1935]¹⁶. Последнее сочинение Н. В. Пигулевская рассматривала в качестве основного источника по данной теме, аргументируя это тем, что Иоанн Эфесский являлся современником этих событий и описал их очень подробно [*Пигулевская*, 2000, с. 294]. Но, на мой взгляд, наиболее точное в отношении хронологии и в то же время достаточно подробное описание этих событий представлено у Менандра Протектора, который к тому же являлся и современником этих событий. При составлении своего труда этот автор пользовался официальными документами византийского двора, в том числе и протоколами переговоров с иранскими дипломатами. В отличие от сочинений Евагрия Схоластика, Феофилакта Симокатты и, тем более, Иоанна Эфесского, труд Менандра Протектора наименее политизирован и идеологизирован. Отношение автора к врагам Византии – Ирану, славянам (племена склавен и антов), аварам и другим более объективно. Последнее сообщение этого историка относится к 581 г., т.е. он описывает только первую половину ирано-византийской войны 572–590 гг., но даже его описание начала войны дает ключ к пониманию причин и хода политических и военных событий, имевших место и после 581 года. Таким образом, сохранившиеся фрагменты сочинения Менандра Протектора создают надежную документальную базу данной темы.

Труд Феофилакта Симокатты в совокупности с сочинением Менандра Протектора дают наиболее полную картину исследуемых событий. Работы же Евагрия Схоластика и Иоанна Эфесского играют в данном случае вспомогательную роль.

¹⁴ Собрания фрагментов см.: [*Menander Protector*, 1868; *Menander Protector*, 1928. Vol. IV. P. 200–269; *Menanderi Fragmenta*, 1871]. См. также: [*Менандр Протектор*, 1860]. Ниже – все ссылки по русскому переводу С. Дестуниса.

¹⁵ См. также: [*Евагрий Схоластик*, 1997]. Ниже – все ссылки по русскому переводу и ссылки на комментарии А. М. Калинина – по электронной версии сайта <http://www.vostlit.info> по состоянию на 26.11.2012.

¹⁶ См. также: [*Иоанн Эфесский*, 2000]. Ниже: все ссылки по русскому переводу Н. В. Пигулевской.

Византийская принадлежность указанных источников и характерный для них антииранский настрой несколько усложняют задачу настоящего исследования. Эта трудность до некоторой степени сглаживается тем, что ныне утраченные памятники сасанидской историографии отчасти сохранились в переработках средневековых арабо-персидских авторов, в первую очередь у ат-Табари. Кроме того, как известно, сасанидская историческая традиция в определенной степени отражена и в эпической поэме Фирдоуси «Шахнаме» (IX в.), написанной на новоперсидском.

Важные детали по данной теме представлены также в армянской «Истории императора Иракла» Себеоса¹⁷, в грузинском своде «Картлис цховреба» и в ряде других кавказских источников, но все они, так же как и византийские, по большей части проникнуты антииранскими настроениями.

Существенную роль в разработке настоящей темы исследования играют материалы археологической нумизматики Сасанидского государства. Последняя по времени работа по этой теме принадлежит Э. Ш. Хуршудяну [*Хуршудян, 2003*].

Историография вопроса довольно обширна. Это, в первую очередь, «История Византии» Ю. А. Кулаковского, а также работы Н. В. Пигулевской и др. Из более поздних работ можно назвать также 2-й том «Очерков истории Грузии», где ход ирано-византийской войны 572–591 гг. рассматривается в контексте истории кавказских стран, преимущественно Картли (Иберии). Особая ценность этой работы связана с тем, что в ней обобщены достижения грузинских исследователей по данной теме.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению обстоятельств антииранского восстания в Персармении и Картли, необходимо остановиться на ряде особенностей кавказской политики Сасанидов в предшествующий период. Шаханшах Хосров I, так же как и его предшественник Кавад I, назначал на высшие должностные посты в Закавказье представителей как местной, так и персидской знати. Так, после смерти марзбана Персармении Вагана Мамиконяна Кавадом I на этот пост был назначен его брат Вард. По-

¹⁷ Комментированные переводы труда Себеоса см.: [*Себеос, 1862; Себеос, 1939*]. Как отмечал Ст. Малхасянц, его перевод сочинения Себеоса почти идентичен переводу К. Патканьяна (К. П. Патканов). Одно из различий состоит в том, что в нумерации глав Ст. Малхасянц следует оригиналу, а К. Патканьян изменил ее. Ниже я буду ссылаться на номера глав, приведенные у Ст. Малхасянца.

сле Варда марзбанами в Персармении довольно долгое время ставились только персы¹⁸. К периоду правления Хосрова I относится назначение племянника Вагана и Варда – Вардана, сын Васака Мамиконяна, питиахшем Гугарка [*Асолик, 1864, с. 59*] (древнегрузинское название этой провинции – Квемо Картли; Гогарена античных источников). Приблизительно тогда же марзбаном Персармении был назначен армянский нахарар Мжеж Гнуни. Он пользовался особым доверием шаханшаха и занимал указанную должность длительный срок [*Асолик, 1864, с. 58*]. После Мжежа эту должность занимали только персидские вельможи – последовательно Деншапх, Вараздат, Сурен [*Асолик, 1864, с. 58–59*].

Сурен управлял Персарменией пять лет и за это время успел настроить против себя местное население [*Асолик, 1864, с. 59*]. В 571 г. Ваган Сюни обратился к Хосрову I с просьбой вывести область Сюник из подчинения Двину (административный центр Персармении) и передать ее в ведение сасанидского наместника в Пайтакаране. Эта просьба была удовлетворена [*Себеос, 1939, гл. 3*].

Несколько позднее, в том же 571 г., группа армянских нахараров во главе с питиахшем Варданом Мамиконяном напала на марзбана Сурена и убила его. Это стало сигналом к восстанию в Персармении и Картли. Иоанн Эфесский в одном месте своего сочинения относит начало восстания к 880 г. селевкидской эры [*Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 24, с. 482*], т. е. к 568/69 г. нашего летоисчисления, тогда как в другом – к 882 г. селевкидской эры [*Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 11, с. 519*], т. е. к 570/71 г. н.э. Впрочем, возможно, что расхождение в два года объясняется тем, что в первом случае автор сообщает о дате начала восстания, а во втором – о дате бегства Вардана и картлийского царя в Константинополь. Приводя последнюю дату, Иоанн Эфесский дает еще и другое хронологическое указание – 5-й год правления Юстина II [*Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 11, с. 519*]. Поскольку Юстин II воцарился 15 октября 565 г., то 5-й год его правления соответствует $[5 + 565 + (-1) =] 569/70$ году нашего летоис-

¹⁸ По данным Асолика, Ваган Мамиконян исполнял должность марзбана Персармении 30 лет (485–515), а Вард – 4 года [*Асолик, 1864, с. 57*]. Себеос, а вслед за ним и Асолик называют Варда «патриком» [*Себеос, 1939, гл. 3; Асолик, 1864, с. 57*], т. е. патриkiem, но едва ли он мог получить этот византийский титул. Скорее всего, титул патрикия был вручен не Варду, а его племяннику Вардану после бегства последнего в Константинополь в 572 г. (см. ниже).

числения¹⁹. Отсюда видно, что в датировках начала восстания Иоанна Эфесского царит путаница, и положиться на его хронологические указания нельзя.

Другой современник этих событий, Евагрий Схоластик, датирует это событие 1-м годом настоятельства в Антиохии еп. Григория [Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 7, с. 256], а поскольку назначение последнего, вероятнее всего, относится к 570 г. (см.: [Евагрий Схоластик, 1997, комм. 11]), то восстание в Персармении можно достаточно уверенно датировать 571 г. О самом восстании Евагрий Схоластик сообщает следующее: «В первый год управления его (Григория. – И. С.) епископией, жители бывшей некогда Великой Армении, впоследствии названной Армениею персидскою... исповедуя веру Христову и страдая от Персов, особенно по отношению к своему закону, тайно отправили к Юстину послов с просьбою – принять их в подданство римской империи, с тем чтобы им дозволено было свободно, без всякого препятствия, совершать свое богослужение. Юстин согласился на это и, приняв некоторые изложенные в послании условия, утвердил их страшными клятвами. Тогда Армяне перебили своих начальников и с сопредельными жителями – одноплеменными и разноплеменными, принявшими их сторону, присоединились к римской империи под предводительством Урдана (Вардана. – И. С.), который славился у них и происхождением, и личным достоинством, и опытностью в делах воинских. Хозрой жаловался на это; но Юстин отпустил (его послов), сказав им, что мирным отношениям теперь конец, что невозможно отвергать Христиан, во время войны перебегающих к Христианам. Так отвечал он, однако ж к войне не готовился...» [Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 7, с. 256–257].

Здесь необходимо заметить, что утверждение Евагрия Схоластика о том, что причиной восстания стали препятствия, чинимые иранскими властями в отправлении христианских культов, не соответствует действительности, так как, во-первых, ни один другой источник этого не подтверждает, во-вторых, в этот период монофизитство, в том числе и армянское, преследовалось как раз в Византии, а не в Иране (см. выше). Напомню, что задолго до этих событий шаханшах Кавад I принял указ о признании Армянской церкви [Joshua the Stylite, 1882, ch. 24].

¹⁹ У Н. В. Пигулевской 5-й год правления Юстина II переведен неверно – 570/71 г. [Пигулевская, 2000, с. 295–296].

У Себеоса о начале восстания сообщается следующее: «На 41-м году царствования Хозроя, сына Каватова, восстал Вардан и освободился от служения царю персидскому с согласия всех Армян. Убив неожиданно марзпана Сурена в городе Двине, [Армяне] взяли много добычи и стали служить Грекам» [Себеос, 1939, гл. 3] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 27]). 41-й год правления Хосрова I соответствует $[532 + (-1) + 41 =]$ 572/73 году нашего летоисчисления.

Эта же дата приводится и Асоликом (Степанос Таронаци по прозвищу Асолик – Асог'ик, X–XI вв.). Вероятно, он заимствовал ее у Себеоса: «Бдешх Вардан, сын Васака, из рода Мамиконов... уловив удобное время и поразив мечом марзпана Сурена, убил его на 41 году царствования Хосрова, что соответствует 7-му году царствования Юстиниана, в 22 день месяца арега, т. е. в феврале, во вторник. Все армянские князья, отложившись от Парсов, предались Грекам и вместе с ними восстали страшной войною. Вардан же с семейством своим и другими дворянами убежал в Грецию в царственный город Константинополь... Это было время войн, раздоров, бесчисленных убийств, пленений, взятий [городов], смут, тюремных заключений, притеснений, лишений, жестокого голода, меча и мора, опустошений городков, пожаров зданий, вообще всех бедствий, постигших многие [наши] области с обеих сторон, [словом, время] совершенного забвения богопоклонения» [Асолик, 1864, с. 59].

Как говорилось выше, 41-й год правления Хосрова I соответствует 572/73 г. Что же касается утверждения Асолика о том, что эта дата совпадает с 7-м годом царствования Юстиниана, или точнее – Юстина II, то это действительно так: 7-й год правления Юстина II соответствует $[565 + 7 + (-1) =]$ 571/72 году нашего летоисчисления. Поскольку Юстин II воцарился 15 октября 565 г., т. е. 7-й год его правления начался 15 октября 571 г. и заканчивался 14 октября 572 г. Что же касается сасанидской календарной традиции, то в ней отсчет дат правления шаханшахов велся приблизительно с 21 марта (день весеннего равноденствия), и следовательно, 41-й год царствования Хосрова I начинался 21 марта 572 г. и заканчивался 20 марта 573 г. Отсюда видно, что указания Асолика на 7-й год правления Юстина II и 41-й год правления Хосрова I совпадают в промежутке 15 октября 571 г. и 20 марта 572 г. Можно было бы полагать, что к этому отрезку и относится начало восстания, но этому противоречит указание Асолика на то, что убийство Варданом Сурена имело место в «22 день месяца арега, т. е. в феврале, во

вторник». Здесь у Асолика присутствует явное недоразумение: арег – восьмой месяц армянского календаря – начинался 9 марта и заканчивался 7 апреля. В таком случае, 22-е число этого месяца падает на 30 марта²⁰.

Из этого может следовать, что у Асолика и у Себеоса отсчет дат правления Хосрова I ведется не от дня весеннего равноденствия, а от реального восшествия этого правителя на трон, т. е. от сентября 531 г. В таком случае указанные Асоликом даты – 7-й год правления Юстина II и 41-й год правления Хосрова I совпадают в более обширном хронологическом промежутке и 22-й день месяца арега выпадает на 30 марта 571 г. Подтверждение этой даты можно видеть также в том, что, как отмечалось выше, данные Евагрия Схоластика позволяют относить начало восстания в Персармении к 571 г. Также можно отметить, что к 30 марта 571 г. относил начало этого восстания и Ю. А. Кулаковский, никак не обосновывая эту точку зрения [Кулаковский, 1996, с. 293, прим. 1].

К 571 г. позволяют относить начало восстания и данные Менандра Протектора [*Менандр Протектор*, 1860, стр. 37, с. 402] (см. ниже). По сообщению же Феофилакта Симокатты, климатарх Сурен был убит византийцами после захвата ими Персармении [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 9. 9], т. е. после начала ирано-византийской войны 572–590 гг. Однако это противоречит данным Менандра Протектора, согласно которым после убийства Сурена Хосров I все еще рассчитывал на сохранения мира с Византией и отправил в Константинополь посольство во главе с Себохтом [*Менандр Протектор*, 1860, стр. 37, с. 402–403].

Судя по всему, вскоре после убийства марзбана Сурена персы выбили восставших из Двина, так как Себеос сообщает о вторичном взятии Варданом Мамиконяном этого города: «Царь греческий клялся Армянам, и возобновлял тот мир, который существовал между двумя царями – блаженным Трдатом и Константином, и дал им в помощь императорские войска. Они же, приняв те войска, устремились на город Двин и, осадив его, разрушили его сверху донизу и изгнали войска персидские, находившиеся в них. Но их неожиданно постигло большое смущение, ибо Персы подложили огонь и сожгли церковь святого Григория, построенную близ города и обращенную ими в амбар» [Себеос, 1939, гл. 3 (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 27–28]).

²⁰ 30 марта 571 г. по юлианскому календарю выпадает не на вторник, а на понедельник.

О том, что действия персов против восставших приняли затяжной характер и шли с переменным успехом, сообщает также Иоанн Эфесский со ссылкой на устный рассказ армянского католикоса: «Это и многое другое рассказывали католикос (Иоанн II – Иованнэс Габелян, 557–574. – И. С.) и прочие бывшие с ним епископы перед нашими милостивыми императорами и всем сенатом, из чего только немного я начертал для памяти. Затем о военных битвах и великом уничтожении бывших там в то время рассказывали они и как затем вновь нападали войска друг на друга, и что много раз были побеждены персы и от них были отняты слоны» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 20, с. 479–480].

По словам этого же автора, причиной восстания в Персармении послужило намерение Хосрова I построить в Двине зороастрийский храм [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 20, с. 479–480], но в действительности это был лишь повод, а причины восстания крылись глубже [Пигулевская, 2000, с. 294]. Начало восстания Иоанн Эфесский описывает следующим образом: восставшие собрали 20-тысячное войско, убили марзбана и перебили 15-тысячный персидский гарнизон, а голову убитого марзбана отправили патрикию Юстиниану [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 21, с. 479–480]. Последний факт, по мнению Н. В. Пигулевской, указывает на то, что лидеры восстания еще до начала своего выступления связались с представителями византийских властей и действовали при их поддержке и с их одобрения [Пигулевская, 2000, с. 295]. С этим заключением нельзя не согласиться, но Н. В. Пигулевской было упущено из виду, что Евагрий Схоластик прямо указывает на то, что Вардан еще до восстания связался с Юстином II и через своих представителей провел переговоры, по итогам которых заключил с византийской стороной договор; это соглашение император утвердил «страшными клятвами» (см. выше). Таким образом, отправкой патрикию Юстиниану головы марзбана (Сурена) Вардан сигнализировал византийской стороне, что восстание уже началось, причем восставшие отрезали себе путь к отступлению, и пришла очередь действовать византийцам.

Судя по всему, сразу после этого в Константинополь прибыло иранское посольство, о котором сообщает Менаандр Протектор. По его словам, в 571 г. наступал срок, когда Византия в соответствии с договором 561 г. должна была начать ежегодные выплаты денег Ирану. Для получения этих денег Хосров I отправил в Кон-

стантинополь посольство во главе с Себохтом (среднеперсидское *Себухт*), причем шаханшах запретил послам упоминать на приеме у императора о восстании в Персармении. Однако, несмотря на это, Себохт был холодно принят в Константинополе. На аудиенции Юстин II отказался выдать определенные договором деньги. «Затем он (Юстин II. – *И. С.*) предложил послу поговорить об Армении. Севохф ответил, что персы в ближайшее время усмирят эти беспорядки. В ответ василевс заявил, что если армяне отпадут от персов, он примет их к себе. В ответ на попытки посла отговорить василевса от превратностей войны, Юстин сказал, что победит Персию одним пальцем и даст ей другого царя» [*Менандр Протектор, 1860*, отр. 37, с. 403–405]. Этим заявлением император отказывался от соблюдения мирного соглашения десятилетней давности и, кроме того, фактически объявил Ирану войну.

Из этого сообщения Менандра Протектора следует, что к моменту прибытия Себохта в Константинополь персы еще не знали о союзе восставших с Византией и что представители Вардана вот-вот должны были прибыть в Константинополь, чтобы уже открыто обратиться к Юстину II с просьбой принять их в свое подданство. Это следует из заявления Юстина II Себохту о том, что «если армяне отпадут от персов, он примет их к себе», т. е. Юстин II уже ждал прибытия посольства из восставшей Персармении.

Судя по всему, в Византии не было единого мнения относительно необходимости соблюдения договора 561 г., но итогом процесса принятия решения стала победа сторонников новой войны с Ираном. Эта победа явилась следствием кажущегося ослабления Ирана, что было связано, прежде всего, с восстанием в Персармении и Картли, а также еще и тем, что Хосров I с 568 г. вел тяжелую войну против Тюркского каганата. Мало того, тюркский каган настойчиво склонял Юстина II к совместным действиям против Ирана (ср.: [*Евагрий Схоластик, 1997*, комм. 14]). Менандр Протектор сообщает об этом следующее: «Много было причин к войне между римлянами и персами. Более всего возбуждали императора Юстина к войне турки. Они напали на мидийскую землю (на Иран. – *И. С.*), разорили ее и, отправив посольство к Юстину, просили его пристать к ним, воевать заодно против персов и заодно преодолеть общего врага. Нападая, турки, с одной стороны, римляне, с другой, могли погубить персов. Юстин, предаваясь этим надеждам, полагал, что будет не трудно сокрушить и совершенно уничтожить пер-

сидскую силу. Он старался сколько мог об утверждении дружбы с турками» [*Менандр Протектор, 1860*, отр. 32, с. 398–399].

Немаловажно также, что Хосров I был уже в преклонных годах – к началу войны ему было около 70 лет, что создавало у византийцев впечатление того, что престарелый шаханшах, «утомленный войнами... заботился только о том, чтобы упрочить мир (с Византией. – *И. С.*) и оставить его детям своим, как достояние отцовское...» [*Менандр Протектор, 1860*, отр. 37, с. 403].

Таким образом, сползание Византии в войну с Ираном проходило, вероятно, без особой борьбы на внутривосточной сцене. И приняв решение о поддержке восставших на Кавказе, Юстин II и его окружение уже не отступали от него ни на шаг.

Нежелание Хосрова I идти на обострение отношений с Византией объясняется, в первую очередь, усталостью населения Сасанидского государства от военного конфликта с Тюркским каганатом. На эту войну и, в частности, на укрепление границы на Кавказе и в Средней Азии были направлены огромные ресурсы. Связанное с этим напряжение сил Сасанидского государства и повлекло упомянутые восстания на Кавказе. И поэтому для Хосрова I сохранение мира с Византией, при условии возобновления предусмотренных мирным договором выплат, было предпочтительнее новой войны с ней. Но поскольку война ему была уже объявлена, он не мог не принять ее, так как уступка византийцам Персармении и Картли, которые были включены в состав Сасанидского государства за три с лишним века до этих событий, грозила обернуться политической смертью Хосрова I. Для Ирана возвращение этих территорий затруднялось переходом местного населения на сторону врага. В этих условиях война с Византией стала бы долгой и изнурительной, но в то же время могла бы способствовать консолидации политических сил Сасанидского государства, так как ее непосредственным инициатором выступил Юстин II, что требовало от иранской стороны вступления в борьбу за «попранную справедливость». В том же 571 г. Хосров I, пойдя на незначительные территориальные уступки тюркам в Средней Азии, заключил с ними мирный договор и в результате получил возможность для переброски войск в приграничные с Византией области.

Тюркский каганат и Византия являлись естественными союзниками в противоборстве с Ираном, что и обусловило их временное сближение [*Ромашов, 2005*, с. 189], но, судя по всему, каган просто

не дождался согласия Юстина II на вступление в войну, а в одиночку преодолевать фортификации, выстроенные Хосровом I в Средней Азии и на Кавказе, ему было не с руки. Для него почетный мир с Ираном оказался предпочтительнее вялотекущей войны.

Из сообщений Себеоса можно заключить, что после начала восстания в Персармении и перехода восставших на сторону Византии император Юстин II назначил Вардана Мамиконяна правителем Персармении. Возможно также, что император вручил Вардану титул патрикия, о чем было сказано выше. О Вардане как о лидере восстания упоминает и Иоанн Эфесский [*Иоанн Эфесский, 2000*, гл. 6. 11, с. 519]. По словам последнего, среди лидеров восставших, несколько позднее бежавших в Константинополе, был также «царь народа, по имени Горгоний» [*Иоанн Эфесский, 2000*, гл. 6. 11, с. 519]. Это, несомненно, картлийский царь. Из этого следует, что Картли восстала одновременно с Персарменией, причем картлийский царь перешел на сторону Византии вместе с армянами. Тот факт, что восстание распространилось и на Картли, подтверждается данными Менандра Протектора и Феофилакта Симокатты о том, что позднее византийцами в качестве условий примирения с Ираном предлагалась уступка ему территории не только Персармении, но и Картли (см. ниже). И, кроме того, в цитированном выше тексте Евагрия Схоластика говорится о том, что армяне «с сопредельными жителями – одноплеменными и разноплеменными, принявшими их сторону, присоединились к римской империи под предводительством Урдана», т. е. Вардана [*Евагрий Схоластик, 1997*, гл. 5. 7, с. 256–257].

А. А. Богверадзе, М. Д. Лордкипанидзе и В. И. Гоиладзе отождествляют этого Горгония с Гуарамом Багратуни [Очерки истории Грузии, т. 2, 1988, с. 159 сл.; *Сумбат Давитис-дзе, 1979*, с. 45, прим. 12; *Гоиладзе, 1979*, с. 18], родоначальником царской династии Багратиони/Багратониани (о нем см. далее), но поскольку Гуарам Багратуни царем не был, то более вероятным представляется, что указанный Горгоний тождественен Бакуру V средневековых грузинских летописей. Горгоний – это, несомненно, производное от поздней среднеперсидской формы названия Картли – *Горган/Гурган*. Скорее всего, Горгоний – не личное имя царя, а его прозвище или же, что представляется более вероятным, слово, производное от названия страны, которой он правил.

У Себеоса сообщения, связанные с событиями, последовавшими за убийством марзбана Сурена, очень трудны для понимания.

Судя по всему, соответствующие тексты испорчены переписчиками или, что также возможно, недоработаны самим автором. Так, в одной главе Себеос сообщает следующее: «После того пошел на него *Михран Михревандак* с 20 000 войска и со многими слонами. Произошло большое сражение на поле Хагамахья: войско Персов было разбито страшным поражением и предано мечу, а слоны все пали. Михран с немногими спасшимися ушел восвояси» [Себеос, 1939, гл. 3] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 28 (курсив переводчика)]).

В другой же главе этот же Михран Михревандак («Михран из рода Михр») назван «Гогон Михраном», но в ней сообщается уже не о поражении этого военачальника, а о его победах: «...Пришел *Гогон Михран* с 20 000 вооруженного войска и с множеством слонов: при нем находился сильный отряд из войска многочисленного народа Гуннов, живших при гористой стране Кавказа. Он получил от царя приказание истребить в Армении мужчин: рубить, колоть, и беспощадно валить их на землю. По его прибытии, некоторые спаслись, скрывшись в неприступных замках или убежавши в отдаленные страны. Но многие не могли спастись. Кого только находили, умерщвляли мечем. Он дал сражение в Иверии, но был разбит. Прибыл в Армению и взял город Анкг ложною клятвою. Филипп, глава Сюнийцев воевал с городом и с Хагамахами, сразился также в Вананде, в деревне Утмсу, но в обеих битвах был побежден. Он (Гогон Михран? – И. С.) пробыл (марзбаном Персармении. – И. С.) 7 лет и ушел» [Себеос, 1939, гл. 4] (цит. пер.: Себеос, 1862, с. 30–31], курсив переводчика).

Здесь необходимо прокомментировать следующие детали. Во-первых, упомянутые здесь гунны могут соответствовать только савирам (абхазам) и аланам, поселенным Хосровом I в ряде крепостей в северо-восточной части Албании. Во-вторых, в цитированных фрагментах Себеос, вероятно, излагает разные эпизоды военных действий, которые в Персармении и Картли вел марзбан Михран. В-третьих, упоминание в обоих эпизодах об уничтожении восставшими боевых слонов противника перекликается с цитированным выше сообщением Иоанна Эфесского о трофейных слонах, отбитых восставшими армянами у персов [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 20, с. 479–480].

Более ясно об этих событиях повествует армянский историк Иоанн Драсханакертци (40-е гг. IX в. – 925 г.). По его словам, «Вардан Мамиконян убил в городе Двине марзпана Сурена, а сам вме-

сте с другими нахарарами ушел служить грекам» [*Иованнес Драсханакертци*, 1986, гл. 16, с. 77–78], после чего «царь Персии Хосров, собрав большое войско, отправил его в поход на Вардана, и разыгралось ужасное сражение на поле Халамах, и благодаря непрестанным молитвам святого Нерсеса войска Вардана страшным ударом истребили персов» [там же, с. 78]. По мнению Ст. Малхасянца, «...Халамахик – искаженное слово вместо Каламахик (происшедшее путем аллитерации под влиянием звука «х» в последнем слове) и означает «тополь, место, покрытое тополями». Известно, что Хосров Младший, сын Трдата, велел насадить искусственный лес... к северо-западу от Двина, в 2–3 км от города... Этот лес назывался Хосровакерт (или Хосракерт). Он, по-видимому, имел важное стратегическое значение как прикрытие для войска, воевавшего с городом... Себеос, кроме двух вышеприведенных случаев, где поле между этим лесом и городом служило ареной битвы, еще в третьем месте (гл. 40) упоминает, что исмаильтяне, собираясь напасть на город Двин, расположились лагерем на опушке леса Хосракерта. Если наше предположение верно, то данное место в тексте следует понимать: в поле между городом (Двином) и лесом (Хосровакертом)» [*Себеос*, 1939, с. 152–153, прим. 62].

Вероятнее всего, выступление марзбана Михрана против восставших началось в 572 г. Тогда же в южной части Месопотамии развернулись военные действия между иранскими и византийскими войсками. Там обе стороны ограничивались незначительными стычками, которые не могли решить судьбу войны [см.: *Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 8–10, с. 257–262; *Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 2–6, с. 502–512; *Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 10 ff.]. Самой крупной акцией персов там стало взятие ими в ноябре 573 г. Дары, осада которой заняла полгода [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 10, с. 261–262; *Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 5, с. 508–511; *Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 11. 3].

Взаимные набеги персов и византийцев продолжались несколько лет и приносили лишь разорение приграничным областям. Тем временем император Юстин II впал в слабоумие, и управление Византией было передано его племяннику Тиберию, которому перешел титул кесаря (7 декабря 574 г.). Ему-то и пришлось решать вопрос о примирении с Ираном. Однако путь к миру оказался очень сложным и долгим. Война растянулась на два десятилетия, захватив остаток правления Юстина II, весь период правления импера-

тора Тиберия I и значительный отрезок времени правления Маврикия I. На иранском троне за это время также успели смениться несколько правителей.

По данным Феофилакта Симокатты, кесарь Тиберий I направил к Хосрову I посольство с известием о своем назначении [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 12. 2]. В одном из фрагментов сочинения Менандра Протектора сообщается о прибытии в Константинополь персидского посла Якова с письмом от Хосрова I. В своем послании шаханшах предлагал начать мирные переговоры. Вслед за этим в Иран было отправлено ответное посольство во главе с придворным врачом Захарием [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 39, с. 406–407]. Феофилакт Симокатта относит это посольство к весне 575 г. и сообщает, что его целью являлось заключение перемирия [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 12. 3], но он не упоминает об условиях заключенного Захарием соглашения. Информация об этом договоре сохранилась также у Менандра Протектора: в обмен на согласие Ирана заключить перемирие на Востоке сроком на один год Захарий передал персам 45 тыс. солидов (204,7 кг золота), причем из-за упорства Хосрова I эта договоренность не была распространена на Армению; кроме того, стороны условились о выработке соглашения о полном мире [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 40, с. 407].

По сообщению Менандра Протектора, по истечении срока перемирия, в начале 576 г., в Иран прибыло византийское посольство во главе с патрикием Траяном и Захарием. Оно предложило продлить перемирие на три года и распространить его на Армению. Однако, поскольку последнее означало отторжение от Ирана Персармении, занятой византийцами, это вызвало возражение персов. После длительного обсуждения было заключено соглашение о перемирии на Востоке на три года. В течение этого срока византийцы обязывались ежегодно выплачивать Ирану 30 тыс. солидов (136,4 кг золота)²¹. Это перемирие не распространялось на территорию Армении, и в начале весны военные действия там возобновились [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 41–42, с. 408–410]. О заключении этого соглашения сообщает также Феофилакт Симокатта [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 12. 10], но он и в этом случае умалчивает об обязанности Византии осуществлять ежегодные денежные выплаты

²¹ В тот период 1 солид имел вес $\frac{1}{72}$ фунта (он же либра или литра, весивший 327,45 г).

Ирану. То же и у Евагрия Схоластика [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 12, с. 263–264].

О выплате денег Ирану в обмен на трехлетнее перемирие «в сирийских областях» сообщает также Иоанн Эфесский, но по его данным, общая сумма, выплаченных Византией денег, составляла 3 кентинария золота [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 8, с. 514; гл. 6. 12, с. 520], т. е. по одному кентинарию или 100 литр или либр (он же фунт) в год, что соответствует 32,745 кг. Эта сумма не может вызвать доверия, так как она противоречит данным Менандра Протектора, заимствовавшего свои сведения из документов византийского двора о ходе переговорного процесса с Ираном и реализации договоренности о перемирии.

Судя по всему, первыми военные действия в Закавказье возобновили византийцы. Это вытекает из следующих данных Менандра Протектора. В одном из сохранившихся фрагментов его сочинения сообщается: «Курсу и Феодору [византийским военачальникам] было объявлено, что кесарь гневается на них за то, что они по вступлении в Алванию не перевели в другое место Савиров и Аланов, но выступили из этой страны, полагаясь на взятых у этих народов заложников. Курс и Феодор раскаялись в своем поступке, видя из самого опыта, что они поступили оплошно и упустили выгоды государства; ибо по удалении их, Савиры немедленно свергли с себя господство Римлян. Римские военачальники опять вступили в Алванию, заставили Савиров и Алванов²² переселиться по сю сторону реки Кира и впредь оставаться в римской стране» [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 43, с. 411–412].

Поскольку в другом отрывке у Менандра говорится о том, что военные действия в Персармении возобновились в начале весны 576 г. [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 42, с. 410], и поскольку, по его же данным, Хосров I начал наступление в этот регион в конце весны (см. далее), то становится очевидным, что первый из упомянутых походов Курса и Феодора в Албанию состоялся как раз в начале весны. Второй же их рейд, во время которого они переселили савир и алан на византийскую территорию, мог иметь место спустя месяц-другой.

²² Здесь, несомненно, описка – должно быть «аланы», так как выше речь идет именно об аланах. Едва ли был смысл переселять албанцев из Албании, на юг от Куры. Здесь идет речь о савирах и аланах, поселенных Хосровом I в некоторых из новых городов, основанных им в северной части Албанского марзбанства, т. е. к северу от Куры [ср.: *Кулаковский*, 1996, т. 2, с. 293].

Кесарь Тиберий I планировал развернуть военные действия и в Персармении, но его расчет строился на том, что персы, как обычно, начнут наступление в конце августа; вопреки этому, Хосров I выступил в поход в конце весны [*Менандр Протектор, 1860, отр. 43, с. 410–411*]. Его внезапный и стремительный марш застал византийцев врасплох. По сообщению Менандра Протектора, Хосров I беспрепятственно прошел «Макравандскую и Таранскую области» (армянские провинции Багреванд и Тарон). Там его застал византийский посол Феодор. Хосров I принял его, но поход не прервал. Удерживая с собой посла, он через область «Вадриану» (армянская провинция Басен) прошел к византийской границе, пересек ее и к концу весны достиг Феодосиполя (древнеармянское название этого города – Карин). Город был взят в осаду. Только после этого послу Феодору разрешено было вернуться к кесарю Тиберию I [*Менандр Протектор, 1860, отр. 43, с. 412–415*].

Штурм Феодосиполя оказался безуспешным, и Хосрову I пришлось снять с него осаду и направиться дальше на запад, навстречу византийскому войску, выступившему на помощь осажденному городу [*Lebeau, 1824, vol. X, p. 135–136*]. Себеос не упоминает об осаде Феодосиполя, а приводит лишь маршрут Хосрова I в сторону Евфрата: «Он отправился по области Артаз, прошел Багреванд, оставив в стороне город Карин» [*Себеос, 1939, гл. 3*]. Этот внезапный маневр позволил Хосрову I отрезать Персармению от Византии. Довольно полная реконструкция хода дальнейших событий проделана Шарлем Либо. Вкратце она сводится к следующему.

Хосров I, форсировав Евфрат, вторгся в Малую Армению. Осенью 576 г. он был разбит 150-тысячной византийской армией, в составе которой находились и отряды правителя Персармении Вардана Мамиконяна. Хосров I отступил через Арзанену (Алдзник) к Нисибину, а в руки победителей попал весь персидский обоз, в том числе шатер шаханшаха, его трон и походный священный огонь [*Lebeau, 1824, vol. X, p. 135–140*].

Себеос приписывает руководство битвой Вардану [*Себеос, 1939, гл. 3*], но в действительности византино-армянскими войсками руководил стратиг Востока патрикий Юстиниан [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 12–14*]. Тем не менее участие Вардана в этом сражении никак нельзя исключать, так как для этого сражения Тиверий I собирал войска отовсюду, откуда только было возможно, и в этой ситуации использование войск Вардана было более чем логичным.

Ход битвы Себеос описывает в следующих словах: «На другой день утром поспешили устроить войска свои по полкам и фронтам (в боевой порядок), и грянули друг на друга. Усилился бой на лице земли, и битва ожесточилась. Предал Господь царя персидского и все войска его поражению: они были разбиты мечом неприятеля и с большою поспешностью обратились в бегство, и не зная дороги, куда бежать – укрепились у великой реки, называемой Евфратом. Река, надувшись вверх, унесла множество бежавших, как рой саранчи, и в тот день многие не могли спастись. Царь же едва избегнул (плена), предавшись воле слонов и коня, и по области Агцник убежал в жилище свое.

Армяне овладели всем лагерем с царскими сокровищами, взяли *Бамбиш*, лагерь, увели *Машаперчан*, золотой одр, стоящий многих талантов, униженный драгоценными камнями и жемчугом, называемый ими одром славы. Овладели также гратом (священным огнем), который всегда возил с собою царь на помощь себе, почитаемый выше всякого огня, и называемый ими *Аташ* (среднеперсидское «огонь». – И. С.). Множество знатных вельмож потонуло в реке вместе с мовпетан-мовпетом (*мобед мобедан* – дословно «мобед мобедов», высшее в зороастрийской иерархии духовное лицо. – И. С.)» [Себеос, 1939, гл. 3] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 28–29]).

Источники, которые будут рассмотрены ниже, не подтверждают захвата этих трофеев именно армянскими отрядами – скорее наоборот. Тем не менее приводимый Себеосом перечень взятой добычи сам по себе очень информативен.

Феофилакт Симокатта также излагает ход баталии очень кратко. По его словам, персидское войско стало готовиться к сражению: «...Всадники начали облекаться в шлемы и панцири, взялось за оружие и пешее войско. Сев на коней, плотными рядами они медленно гордым шагом двинулись против ромеев. И ромеи, развернув свои ряды, подняли знамена. Заговорили трубы, поднялась к небу пыль, шум, как морской прибой, заполнил все пространство ржанием коней и грохотом оружия... Варварское войско растянуло свой строй в длину, желая этим создать видимость бесчисленного своего количества для тех войск, которые стояли против него. Ромейское войско выстроилось глубоким строем, сильным своей сплоченностью; так и казалось, что ряды его как бы сколочены из одного куска и сбиты железом – настоящий медный строй, стоящий против неподвижно воздвигнутых статуй, лишь внешним своим видом

дающих возможность думать, что они стремятся к бою. < ... >. Вавилоняне (у Феофилакта Симокатты персы нередко именуются архаичными этнонимами, в том числе и вавилонянами. – И. С.) стали посылать стрелы в сомкнутые ряды ромеев в таком количестве, что затемнили лучи солнца. Вследствие стремительного полета стрел перья, украшавшие верх шлемов на головах воинов, казалось, полетели по воздуху, сбитые летучим оружием. Ромеи стремились к рукопашному бою, тесня варваров копьями и мечами и отражая обильно сыпавшиеся стрелы; затем, избежав обычных хитростей стоящих против них врагов, они стали одерживать верх в бою... Строй персов рассыпался, так как в глубину он не был выстроен в каре, а находящиеся в резерве силы вавилонского войска не знали, что им делать, так как некому было стать против них. Затем, когда ромейское войско усилило натиск, варвары увидели, что дело идет к их гибели, и обратились в бегство» [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 14. 2–8*] (цит. пер.: [*Феофилакт Симокатта, 1957, с. 88–89*]).

Преследуя противника, византийцы «разграбили... персидский лагерь, разграбили и царскую палатку и все, что было там, забрали как блестящую свою добычу. Они завладели также и слонами и вместе с захваченной персидской добычей переправили их к Кесарию. Когда персидский царь был побежден и совершал свое позорное отступление, оказавшись около Мелитены, он предал город огню, найдя его незащищенным... Затем он перешел Евфрат и отступал через Арзанену...» [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 14. 10–11*] (цит. пер.: [*Феофилакт Симокатта, 1957, с. 89*]).

Менее предвзятое описание этого сражения и предшествующих ему событий приводится Иоанном Эфесским: «Персидский царь был упоен гордостью оттого, что он взял Дару, и гордость эта ввела его в заблуждение. Полагаясь на то, что в сирийских областях у него не было войны, он собрал войско и доверчиво отправился в Армению, обратившись к Феодосиополю, что на границе его [Персидской] Армении, к Кесарии Каппадокийской и к прочим городам. В то время как это происходило Феодор силентиарий был послан к нему в посольстве и увидел, что он выезжает на войну. [Царь] взял его с собою, а когда он стал просить его отпустить, он посмеялся и сказал ему: “Поезжай со мною в Армению. Отправишься со мною в Феодосиополь, будешь купаться, отдохнешь там, и тогда я отпущу тебя”. Так он взял и увез его в Армению, будучи твердо уверен,

что без труда войдет и возьмет город. Когда ромейские войска узнали об этом, несмотря на то что они трепетали перед именем царя, они хорошо приготовились против него. Когда он увидел эти мощные войска, он очень обеспокоился, так как говорили, что их было более 120 тысяч. Они его удерживали и готовились к бою с ним, а он испугался, повернул от них [в сторону] и отправился против другого города. Но и туда они направились против него, нагнали и прогнали его оттуда. Испытав его войска, они считали себя гораздо сильнее его и презирали его. После того как он увидел, что ничего не выходит соответственно его желанию, он отправился на северную гору, в направлении к Каппадокии, чтобы прийти и покорить Кесарию. Когда ромейские войска увидели это, они выступили против него и опередили его и в Каппадокии. Они выстроились против него и удерживали его на Каппадокийских горах, препятствовали, не давая ему пройти. Так они находились друг против друга в течение многих дней, и он не осмеливался вступить с ними в сражение. Когда он увидел, что они многочисленнее и сильнее его, что он не может обойти их, чтобы идти на Кесарию, он весьма взволновался, испугался и стал ухищряться, чтобы, если возможно, пройти и бежать в свою землю. Но его маги осудили его и поспорили с ним; тогда он повернул, отправился в Каппадокию против Себасты, тогда как все они трепетали перед ромейскими войсками. От стыда и для того, чтобы не бранили его, что он не смог сделать ничего из того, что предполагал, он набросился и сжег огнем Себасту. Ни добычи, ни пленных он не нашел, потому что вся область бежала от него. Оттуда он направился в обратный путь, обратившись на восток, чтобы, если возможно, бежать к себе. Презрели его ромейские войска, испытав его войска, и пренебрегли ими, будучи сильнее их. Когда он увидел, что они окружают его и наседают со всех сторон, он был вынужден спешно бежать в горы, оставив весь свой лагерь, павильон, т. е. свою палатку, все свои пожитки, богатство в виде золота, серебра, жемчугов, все великолепные царские одежды, и бежать ни с чем [пустым]. Тогда поспешили и пришли ромеи, захватили весь лагерь, умертвили всех, которых там настигли, завладели всем его имуществом и имуществом его знатных... Люди там разбогатели, так как некоторые из ромейского войска, найдя, брали царское имущество и, захватив то, что находили, бежали, и больше их не встречали и не видали. Те же, которые бежали и спаслись из лагеря персов, пришли к царю и плача

говорили: “Господин, на нас напали ромеи, многих из твоих рабов убили и весь наш лагерь разграбили и забрали”. Он же, когда это услышал, ответил им: “Пустите их”. Он приказал, чтобы его окружило все войско и сделали стену из щитов. Он поставил их рядом, проезжал между ними верхом и упрашивал их, показывая свои седины, говоря: “Братья мои и сыны мои, пожалейте мои седины и воюйте за царство персидское, чтобы оно не было презрено и осмеяно. Я сам в качестве рядового всадника, как один из вас, буду воевать вместе с вами”. Ибо его знатные постоянно спорили с ним, говоря: “Будем ли мы жить, умрем ли, дурную славу получит из-за нас Персия. Ни один из персидских царей никогда не делал того, что сделал ты, – завел нас, чтобы мы умерли в этих горах”. От одного из них узнали ромеи, что говорилось между ними. Вновь повернули персы, направились в другую сторону, чтобы бежать в какой-нибудь город. Они направились против Мелитены, где, если бы не зависть и ссоры ромейских глав друг с другом, они уничтожили бы его и все его войско, примирившись друг с другом, сговорившись друг с другом, разделившись и окружив его. Персы стали наступать на Юстиниана патрикия, сына Германа. Юстиниан же испугался и бежал от них, а товарищи не пришли помочь ему. Когда это увидели сам [царь] и его войско, они уверились и укрепились, пошли к Мелитене и подожгли ее» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 8, с. 514–516].

Продолжение описания этого эпизода Иоанн Эфесский дает в следующей главе своего сочинения: «Когда перс вошел в город Мелитену, он тотчас приказал, чтобы всю ее сожгли огнем. Затем он вышел, чтобы перейти Евфрат, и направился в свою землю. Ромейские же полководцы послали ему [сказать] следующее: “То, что ты сделал, пришел и сжег город, не царское это дело, как и произвести опустошение и повернуть. И для нас, которые только рабы царя, было бы весьма мерзким, если бы мы сделали то, что ты сделал; тем паче тебе, потому что ты не только царь, но мнишь себя и царем царей. Ибо не пристало царю подобным образом приходить шайками, чтобы грабить и обращаться в бегство, разводить огонь и сжигать. Царю подобает мощно, уверенно, царственно стать открыто в бою, и если победит, то как царю и прославиться, а не как вору прийти, причинить вред, обворовать и бежать. Теперь приготовься, чтобы нам стать в бою друг против друга публично, чтобы и другим было явно и известно, чья победа и чье пораже-

ние". Когда он это услышал, он приказал быть бою на следующий день, на Кампо, с восточной стороны города, в отдалении от него. На утро дня обе стороны расположились друг против друга на небольшом расстоянии. Они стояли в порядке и смотрели друг на друга, с утра до 6 часов, и не тронулся ни один человек с места. Царь стоял в тылу войска, и так они смотрели друг на друга, кто из них первый начнет [битву]. Те люди, что рассказывали нам все это, были переводчиками у персов и ромеев, и они поклялись нам, [что все это правда]. Наконец, [говорят], трое из нас ударили коней, выехали из ромейских рядов в середину между частями, доехали быстро до предела персидских рядов и вновь вернулись поспешно. Не приближаясь к ним, трижды мы промчались во всю скорость лошадей, и напряженно следили за нами обе стороны; мы же вызывали их выйти в бой. Но ни один из них не сдвинулся с места и не вышел против нас, хотя они построились, подобно стене, и стояли, и словом не обменялись друг с другом. Наконец он послал [сказать]: "Теперь уже не может быть боя сегодня. Время прошло". И так разошлись оба лагеря. Ночью же, перед тем как настало утро, царь и его войско находились уже на берегу Евфрата, стремясь и пытаясь перейти реку, которая находится в 6 милях от Мелитены. Ромеи последовали за ними, чтобы у реки их захватить и уничтожить. Так они и сделали. Персы были встревожены, а когда увидели персидские войска, что ромейское войско зашло им в тыл, они бросились с конями в реку. Потонуло и захлебнулось больше половины войска, прочие же с трудом выплыли на лошадях, спаслись, перешли и поспешно направились в Ромейскую Армению. Хотя они проходили спешно, он приказал, чтобы все селения, которые им встретятся, сжигать огнем. Он повернул к высоким горам Карха, на которых никогда не было дороги, и был вынужден послать вперед войско, чтобы оно устроило ему дорогу. Так, взволнованный и встревоженный, он едва спасся из рук ромеев в свою землю с большим трудом. Тогда он издал приказ и установил закон, чтобы сам царь на войну не ходил, если против него не вышел [другой] царь» [*Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 9, с. 516–517*].

Иначе сражение описывается Евагрием Схоластиком: «Неправедно собранные деньги употребив на нужды (государства), Тиверий приготовил все потребное для войны и, сделав правильно набор с народов, живущих как по ту сторону Альпов, около Рейна, так и по сю сторону, именно с Массагетов и других скифских племен,

с Паннонцев и Мизийцев, с Иллирийцев и Исавриян, он собрал такое войско из этих храбрых людей, что образовал ополчение почти во 150 тысяч отличных всадников, и прогнал Хозроя, который, тотчас после взятия Дара, следующим летом устремился в Армению и оттуда имел покушение на главный город Каппадокийцев и первенствующий между тамошними городами – Кесарию. Хозрой до того презирал римскую империю, что, когда кесарем отправлены были к нему послы, не удостоил даже допустить их к себе, а приказал им следовать за собою до Кесарии; – там, говорил, подумаю я об их посольстве. Но, увидев против себя римское войско под начальством Юстиниана, брата того Юстина, который бесчеловечно убит был (царем) Юстином, – увидев, что это войско тщательно вооружено, что трубы издают грозные звуки, что знамена подняты для битвы, что каждый воин жаждет сражения и в отличном своем убранстве дышит рвением, что конница – такая и столь многочисленная, о какой ни один царь никогда и не думал, он при этой неожиданности и нечаянности, долго изумлялся, глубоко вздыхал и уже не хотел начинать войны. Но между тем как Хозрой откладывал, медлил и тратил время, притворяясь, будто желает сражения, на него напал предводительствовавший правым крылом Скиф Курс, и так как противопоставленные ему Персы не могли выдержать его нападения, но открыто оставляли строй, сильно поразил их. Потом устремился он на сторожевой отряд, где Хозрой и целое войско имели свои припасы, и овладел всеми царскими сокровищами и всем обозом в глазах самого Хозроя, который все еще продолжал терпеть, думая, что для него невыносимее собственное отступление, чем нападение Курса. Овладев таким образом великим богатством и добычею и ведя с собою вьючных животных с теми самыми грузами, которые на них были, и в том числе со священным огнем – Хозроевым Богом, Курс и его воины обскакали персидское войско с веселыми песнями и прибыли к своим около того времени, когда зажигают свечи и когда соратники их оставили уже свои ряды, потому что ни Хозрой, ни сами они не начинали сражение, а только происходили легкие перестрелки, или, как обыкновенно бывает, два войска мерялись битвами воинов один на один. Между тем Хозрой, зажегши ночью множество огней, приготовился к ночной битве, – и так как римское войско стояло двумя лагерями, то он в глухое время ночи напал на ту часть его, которая расположена была севернее, а как это войско от внезапности и нечаянности на-

падения отступило, обратился на близлежащий город Мелитин, который оставался без стражи и без граждан, и, опустошив его огнем, приготовился к переправе чрез Евфрат. Но римские войска соединились и погнались за ним. В таких обстоятельствах, опасаясь за личное свое спасение, сам он сел на слона и переправился чрез реку, а находившиеся с ним воины в большом количестве были поглощены рекою. Захватив трупы их, он поспешно удалился. Потерпев это крайнее наказание за дерзость свою в отношении к Римлянам, Хозрой с остатками своего войска прибыл в восточные области и стал просить перемирия, чтобы никто не нападал на него. Но Юстиниан, со всем своим войском вступив в пределы персидского царства, провел там все зимнее время, и никто не беспокоил его; а при наступлении лета, без всякой потери своих воинов, возвратился домой и благополучно, с великою славою, провел лето на границе (той и другой империи)» [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 14, с. 266–269].

Нельзя не обратить внимания на крайнюю тенденциозность рассмотренных выше сообщений о рейде Хосрова I вглубь византийских владений. Их авторы откровенно преуменьшают полководческие дарования и самого Хосрова I, и его военачальников. Затушевывается ими и стратегическое значение рейда 576 г.: стремительный марш иранской армии был явно нацелен на то, чтобы отсечь Персармению и Картли от Византии и, тем самым, избегая активных военных действий против местного населения, которое Хосров I продолжал рассматривать как своих поданных, форсировать Евфрат и навязать противнику боестолкновения на его собственной территории. Сам замысел этой операции характеризует Хосрова I и его окружение как опытных и дальновидных стратегов, а ее реализация свидетельствует о высоких качествах иранской армии. Обращает на себя внимания также и тот факт, что для нейтрализации этих действий Хосрова I византийскому двору пришлось выставить армию, значительно превосходившую иранскую по численности. Собственно это и предопределило исход кампании 576 г. Хосрову I пришлось отойти на свою территорию.

Победа позволила византийцам перейти в контрнаступление и перенести военные действия на иранскую территорию. По словам Феофилакта Симокатты, византийские войска достигли Гирканского моря (Каспий). Разоряя и разграбляя территорию Ирана, они зазимовали там и вернулись на свою территорию лишь с наступлением весны

577 г. [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 2*]. Здесь, несомненно, речь идет о разорении закавказских областей Сасанидского государства, так как на Востоке продолжало сохраняться перемирие.

Обращает на себя внимание, что византийцы в течение менее одного года совершили, по крайней мере, два крупных вторжения в Албанию, и оба раза уделили столько внимания савирам и аланам, размещенным Хосровом I в восточнокавказских крепостях, выстроенных против тюрков. Этот факт со всей определенностью свидетельствует о том, что рейд Курса и Феодора ранней весной 576 г. был нацелен на ослабление созданной Хосровом I системы обороны от Тюркского каганата и создание в ней брешей для облегчения тюркам вторжения на иранскую территорию. А своей повторной атакой расположенных там сасанидских крепостей византийцы как бы «приглашали» тюрков к вторжению, однако, этот сигнал оказался проигнорирован тюркским каганом.

Связь византийских рейдов в Албанию с расчетом Тиберия на вступление в войну тюрков подтверждается тем, что к этому же 576 г. относится отправка Тиберием к тюркам представительного посольства во главе с Валентином. По прибытии к Турксанфу, правителю западного удела Тюркского каганата, Валентин напомнил ему о византийско-тюркском союзе и заявил о желательности вступления тюркского кагана Арсилы в войну против Ирана [*Менандр Протектор, 1860, отр. 45, с. 418*].

Опытный переговорщик Валентин, несколько раз до этого отправлявшийся послом к тюркам, еще не знал, что в тюркской внешней политике произошел резкий поворот [*Гумилёв, 1967, с. 49*] и что тюрки из союзника Византии превратились в ее злейшего врага. Турксанф в своем ответе Валентину предъявил ему длинный перечень претензий по поводу двуличности византийской политики. Главнейшее обвинение состояло в заключении Константинополем соглашения с аварским каганом Баяном [*Менандр Протектор, 1860, отр. 45, с. 418–419*]. И хотя византийцев оправдывало то, что договор с аварами был заключен под военным давлением авар и их союзников, причем в ситуации, безвыходной для Византии, это обстоятельство не могло благоприятствовать сохранению тюркско-византийского союза [*Гумилёв, 1967, с. 49*], так как, в соответствии с аваро-византийским договором, аварский каган ежегодно получал крупные денежные выплаты от Византии, что существенно усилило авар. Раздражение тюрков в данном случае, прежде всего, было

вызвано тем, что в соответствии с тюркской концепцией власти титул кагана мог принадлежать только тюркскому правителю, и в этом отношении правитель бежавших от тюрков на запад авар являлся с их точки зрения самозванцем²³.

Это и стало причиной холодного приема византийского посольства Турксанфом. Кроме того, Турксанф не сразу пропустил византийцев дальше на восток, к кагану Арсиле, а задержал их для участия в поминальных обрядах по своему недавно скончавшемуся отцу. По совершении принятого у тюрков ритуала Валентин был пропущен на восток, но при этом Турксанф объявил ему о начале войны против Византии [*Менандр Протектор, 1860*, отр. 46, с. 421–422].

Е. В. Круглов полагает, что причиной начала тюркско-иранской войны 576–581 гг. послужило прекращение императором Юстином II практики подкупа «варварских» элит крупными денежными «подарками» [*Круглов, 2002*, т. 1, с. 81]²⁴. При этом он ссылается на работу А. И. Айбабина [*Айбабин, 1999*, с. 134–141]. Но в указанной работе А. И. Айбабина ничего подобного нет. Кроме того, нельзя не возразить, что источники не содержат сведений об «одаривании» верхушки Тюркского каганата золотом, поэтому данное предположение Е. В. Круглова является безосновательным.

Продолжая рассмотрение событий тюркско-византийской войны 576–581 гг., отмечу, что единственным регионом, где соприкасались границы Византии и Тюркского каганата, был Крым. Он и подвергся атакам тюрков. В том же 576 г. им удалось взять Боспор [*Менандр Протектор, 1860*, отр. 46, с. 422; отр. 47, с. 423]. Военные действия в Крыму продолжались и в 580 г., так как у Менандра Протектора в связи с событиями этого года упоминается о военном лагере тюрков под Херсоном [*Менандр Протектор, 1860*, отр. 66, с. 462]. К этому времени относится прослойка пожарища на Баклинском городище близ Херсона [*Могаричев, 2000*, с. 98]²⁵. Таким образом, тюрки завладели почти всей территорией полуострова, правда, Херсон им, судя по всему, взять так и не удалось [*Айбабин, 1999*, с. 142; *Ромашов, 2005*, с. 190].

М. И. Артамонов и Л. Н. Гумилёв полагали, что тюрки пытались прорваться на территорию Византии и через Западную Грузию [*Артамо-*

²³ Обсуждение темы см.: [*Мерперт, 1958*, с. 571; *Dobrovits, 2006*, р. 175–183].

²⁴ Этой точке зрения следует С. Б. Сорочан [*Сорочан, 2013*, с. 148].

²⁵ См. также: [*Сорочан, 2013*, с. 148]. О пожарищах этого периода в других частях Крыма см.: [*Айбабин, 1999*, с. 134–135, 137, 141].

нов, 1962, с. 138; Гумилёв, 1967, с. 50, 107, 108]²⁶. Эта точка зрения основана на сообщении Феофилакта Симокатты о том, что каган незадолго до распри в Тюркском каганате перебил народ колхов [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 8. 6*]. Последние же были отождествлены М. И. Артамоновым и Л. Н. Гумилёвым с лазами. Однако Э. Шаванн справедливо усомнился в том, что речь здесь идет о кавказских колхах [*Chavannes, 1903, p. 251*], а Г. В. Хауссиг, сближая колх с монгольским халха, предположил, что речь идет о жуань-жуанях [*Haussig, 1954, S. 372*] (ср.: [Артамонов, 1962, с. 138, прим. 24; Гумилёв, 1967, с. 108, прим. 20]).

Сомнения в том, что в данном случае у Феофилакта Симокатты речь идет о Западной Грузии, основаны, главным образом, на отсутствии в кавказских источниках свидетельств о тюркских вторжениях в Закавказье в этот период. Следует также принять во внимание, что та часть текста Феофилакта Симокатты, в которой говорится об истреблении колхов, невероятно запутана. Так, Феофилакт Симокатта, рассказывая о подготовке византийцев к военным действиям против авар весной 596 г., делает отступление и переходит к изложению истории тюрко-аварских взаимоотношений [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 7. 7 и далее*]²⁷. Сначала он сообщает о прибытии к императору Маврикию (582–602) тюркского посольства, доставившего письмо кагана (598 г.) [*Moravcsik, 1958, Bd. I, S. 41–43; Пигулевская, 1951, с. 209*]. В письме говорилось о победе кагана над абделами, известными также как эфталиты. Затем каган, «сделав Стемвис-кагана своим союзником... поработил племя аваров» [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 7. 7–9*] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 160]). Далее говорится о том, что разбитые авары бежали частью в Тавгаст (Китай. – см.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 211, прим. 25]), а частью – к племени мукри [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 7. 10–12*]. Кроме того, каган подчинил и племена огор, живущих у реки Тил, которую тюрки обычно именуют Черной (Волга)²⁸.

²⁶ Эта точка зрения разделяется С. А. Ромашовым [*Ромашов, 2005, с. 190*].

²⁷ Несколько по-иному рассматриваемые ниже данные Феофилакта Симокатты о тюрко-аварских взаимоотношениях оценивал Л. Н. Гумилёв [*Гумилёв, 1961*].

²⁸ По мнению Г. В. Хауссига, Тил – это р. Тарим в Северо-Западном Китае [*Haussig, 1954*]. Однако все остальные исследователи полагают, что речь идет о Волге (см., например: [*Гадло, 1979, с. 100*]). Необходимо также обратить внимание на то, что эпитет «Черная» по отношению к Волге сохранился в современном казан.-тат. *Qara Idil* (вариант: *Ulu Idil*), где *qara* имеет значение не только ‘черный’, но и ‘большой’, ‘сильнейший’ (ср. казан.-тат. *Ak Idil* (вариант: *Culman*), где *ak* имеет значение не только ‘белый’, но и ‘малый’) [*Шрамм, 1997, с. 77–78*].

Некоторые из огорских племен, как сообщает далее Феофилакт Симокатта, называются уар и хунни [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 7. 13–14].

В этом рассказе есть очевидная несурязица: каган, писавший императору в 598 г., не мог сообщать о своих победах над абделами (эфталитами), над аварами и над огорами (огурами), так как все эти победы тюрков принадлежат к более раннему времени: победа над эфталитами – после первого столкновения с ними – к 554–555 гг., а вторая и окончательная победа над ними – к 567 г., победа над аварами (жуань-жуанями) – к 551–555 гг., победа над огурами – к 555 г., а окончательное подчинение их тюркам – к 558 г. Да и упоминание имени Стемвис-кагана (Истеми-кагана) может говорить о том, что здесь излагается информация, почерпнутая из материалов более ранних тюркских посольств в Константинополь – скорее всего, 558 или 563 гг. – по всежим следам недавних побед над аварами, эфталитами и огурами²⁹.

Далее Феофилакт Симокатта возвращается к событиям периода правления Юстиниана I: «...Некоторая часть уар и хунни бежала и поселилась в Европе. Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана» [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 1–2] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 160]). Они разбили барсельт, уннугур, сабир и другие гуннские племена, которые приняли их за подлинных аваров [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 3–4]. В действительности же, как считает Феофилакт Симокатта, их правильнее было бы именовать псевдоаварами [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 7. 8. 5].

Далее Феофилакт Симокатта пишет: «Рассказав возможно короче о том, что касается псевдоаваров, я перейду к дальнейшему из-

²⁹ Э. Шаванн, а также М. И. Артамонов и Л. Н. Гумилёв, основываясь на рассматриваемых здесь сообщениях Феофилакты Симокатты, полагали, что во время распри в Тюркском каганате, начавшейся в 582 г., тюрки утратили власть над огурами (М. И. Артамонов, а вслед за ним и Л. Н. Гумилёв, считали их уграми) и позднее тюркам пришлось вновь завоевывать их. По их мнению, в 598 г. тюрки снова покорили огур, но при этом племена тарних, котзагир и забендер бежали в Паннонию к аварам [*Chavannes*, 1903, p. 248; *Артамонов*, 1936, с. 41; *Артамонов*, 1962, с. 140]. Однако тот факт, что в связи с покорением огур у Феофилакты Симокатты фигурирует Стемвис-каган (Истеми-каган), убеждает в том, что, во-первых, речь у Феофилакты идет о событиях 555 г. или 558 г., и во-вторых, тюркам не пришлось после прекращения распри заново покорять огур и другие племена Юго-Восточной Европы. Новую интерпретацию письма тюркского кагана к византийскому императору см.: [Вессьер, де ла, 2014, с. 134–140].

ложению хода истории. Когда племя огор было окончательно побеждено, каган предал *вождя племени колхов* на истребление мечу.

Из этого племени во время войны было уничтожено триста тысяч человек, так что непрерывным рядом убитых была покрыта дорога на расстоянии четырех дней пути. Когда победа столь явно улыбалась кагану, у тюрков началась междоусобная война» [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 8. 6–8*] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 161 (курсив мой)]). Далее Феофилакт рассказывает об известных ему обстоятельствах династической распри у тюрков [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 8. 8–10*]. Заканчивается данный пассаж словами: «Произошла большая резня, и каган вновь стал владыкой своей земли. Сообщение о всех этих победах каган и послал императору Маврикию через послов» [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 8. 10–11*] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 161]). Далее следует пассаж о религии тюрков, после чего Феофилакт Симокатта снова переходит к событиям в Тюркском каганате: «В это же самое время племена тарних и котзагиров (они были из числа уар и хунни) бежали от тюрков и, прибыв в Европу, соединились с теми из аваров, которые были под властью кагана. Говорят, что и племя забендер было родом из народа уар и хунни. Эта дополнительная военная сила, соединившись с аварами, исчислялась в десять тысяч человек» [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 8. 16–17.*] (цит. пер.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 161]). Далее Феофилакт приводит еще ряд сведений по истории Тюркского каганата, а также Китая [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 7. 9. 1–12*], но они не могут добавить что-либо к проводимому здесь анализу.

Если верить Феофилакту, то началом цепи событий, изложенных в предыдущем абзаце, является покорение огуров – 558 г., после чего тюрки стали истреблять колхов, причем война против них длилась до начала первой междоусобной войны у тюрков, т. е. до 581 г. Между тем, наиболее надежный источник о событиях в Тюркском каганате – Менандр Протектор – ни о чем подобном не сообщает. Таким образом, становится ясным, что Феофилакт Симокатта явно что-то перепутал – не только в отношении хронологии событий, но и, вероятно, в отношении самого факта войны тюрков против колхов (лазов).

Недоверие к сообщению Феофилакта Симокатты о войне тюрков против колхов вызывает и приводимая им численность убитых тюрками врагов – 300 тысяч. Даже, если это число завышено на поря-

док, то и в этом случае истребление столь большого числа лазов непременно нашло бы отражение в кавказских источниках, а между тем, как уже отмечалось, кавказские источники не приводят никаких сведений о вторжениях в этот период в Закавказье кочевых народов.

Таким образом, можно утверждать, что в изложении истории аварско-тюркских взаимоотношений Феофилакт Симокатта использовал данные тюркского посольства в Константинополь 558 г. или 563 г., а свои данные о распре в Тюркском каганате он заимствовал, как считал Г. В. Хауссиг, из материалов тюркских посольств в Константинополь, состоявшихся в 583 и 600 гг. [Haussig, 1954, S. 276, 383–384]³⁰. И еще один вывод: в 576 г. тюрки не вторгались в Лазику (Колхиду).

Война тюрков против Византии была прервана в 581 г. из-за развернувшихся в Тюркском каганате распрей после смерти кагана Арсилы (см.: [Moravcsik, Bd. I, S. 72; Артамонов, 1962, с. 138; Гумилёв, 1967, с. 50, 107, 108; Ромашов, 2005, с. 190; Сорочан, 2013, с. 148, 149]; они продолжались до 589 г. Как полагал М. И. Артамонов, византийцы, воспользовавшись междоусобицей у тюрков, к 590 г. сумели вернуть себе власть над Боспором [Артамонов, 1962, с. 139] (см. также: [Гумилёв, 1967, с. 50]). На это указывает одна из боспорских надписей, из которой следует, что к указанной дате город управлялся Евпатерием, стрателатом и дуком херсонским³¹.

Итак, надежды кесаря Тиберия I заключить с тюрками союз против Ирана не оправдались. Более того, отношения с тюрками внезапно обострились и обернулись потерей Боспора. Это существенно ослабило позиции Византии в переговорах с Ираном. Эти переговоры начались в 577 г., когда византийские войска продолжали разорять Персармению. Надой, посланник Хосрова I, прибыл в Кон-

³⁰ Кстати, в этой же работе Г. В. Хауссиг, рассматривая данные Феофилакта об уар и хунни, полагал, что они были заимствованы из несохранившихся частей сочинения Менандра Протектора, причем, в соответствии с гипотезой, предложенной Г. В. Хауссигом, уар жили на территории Северного Афганистана, в районе Кундуза, а хунни – гуннские племена, осевшие в Бактрии [Haussig, 1954, S. 304–305, 345–362, 413–429]. Ныне эта точка зрения является устаревшей, так как считается установленным, что авары, идентифицируемые с жуань-жуанями китайских источников, являлись выходцами из восточной части Центральной Азии.

³¹ Библиографию, посвященную боспорской надписи, см.: [Артамонов, 1962, с. 139, прим. 31].

стантинополь с известием о согласии шаханшаха начать мирные переговоры. Ответное посольство возглавили магистр Феодор и придворный врач Захарий [Менандр Протектор, 1860, отр. 48, с. 424]. Обсуждение условий договора проходило в селении Аф-раила, близ крепости Дара. Уполномоченный Хосрова I на этих переговорах у Менандра Протектора фигурирует как *Мебод Саннахо-эриган* [Менандр Протектор, 1860, отр. 48, с. 424–426], а у Феофилакта Симокатты – как полководец *Сарнахорган* [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 7, 11].

У Феофилакта Симокатты в качестве глав византийского посольства фигурируют патрикии Иоанн и Траян, хотя, по его же данным, в составе посольства находился также магистр Феодор [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 6]. Поскольку эти переговоры длились очень долго, то, вероятно, патрикии Иоанн и Траян в качестве главных переговорщиков со стороны Византии прибыли в Иран несколько позднее.

При обсуждении условий мирного договора персы поначалу проявляли готовность заключить мир без уплаты византийцами денег и соглашались вернуть Дару, а византийцы – уступить Ирану Персармению и Картли. Но сразу после того как направленный Хосровом I в Армению военачальник Тамхосро (Иоанн Эфесский и Феофилакт Симокатта передают имя этого полководца как *Тамхосро*, а Менандр Протектор – как *Танхосро*) разбил там византийские войска, шаханшах предписал своим переговорщикам не уступать византийцам Дары [Менандр Протектор, 1860, отр. 49, с. 429–432; Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 8–10].

Об указанном рейде Тамхосро в Армению Себеос сообщает следующее: «После него прибыл *Там-Хозрой*, и дал две битвы: одну в Басиане при Болорапагаке, где сливаются Мурц и Аракс, другую в Багреванде при Китни. Он в обеих битвах одержал великие победы. Он пробыл два года и удалился» [Себеос, 1939, гл. 4] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 36]).

Более пространное описание этих событий дает Иоанн Эфесский: «...Когда их (византийцев. – И. С.) было числом не менее 100 000, все это ромейское войско испугалось и бежало посрамленное, теряя оружие и коней, от одного презренного марзбана, с которым было едва 30 000 [войска]. После этого выдвинулся и усилился перс, взял и захватил всю Армению. Но вся страна потребовала, чтобы он дал слово, и он дал его им. Возвратились

и подчинились ему все [жители] области за исключением тех, что находились в Константинополе за 7 лет до этого, восстали против него и боролись с ним. После этого вновь были посланы знатные послы от обоих государств, чтобы выяснить события, происшедшие между обоими государствами, а также договориться относительно мира» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 24, с. 482].

В другом разделе своего труда Иоанн Эфесский сообщает о походе Тамхосро в Армению другие подробности: «Лазутчики пришли к византийским воинам со словами: “Вставайте, вооружайтесь, вот идет на вас персидское войско с марзбаном Там-Хосровом, остерегайтесь”. Когда они услышали это, они стали смеяться и издеваться над ними, говоря: “Да разве они могут осмелиться показаться к нам?”. И они не позаботились и не приготовились. Когда они еще так говорили, персидское войско уже выступило на них, не готовое еще к битве с ними, а только с тем, чтобы показаться им. Они же, когда увидали, что они разворачивают большие, как стены, ряды и идут, напали на всех сразу трепет и страх; они были в волнении, так как и лошади их не были собраны. Одни рассеялись, чтобы есть, пить, наслаждаться, другие разбрелись. Все, кто увидали [персов], затрепетали и начали поспешно бежать; другие, видя, что эти бегут, пугались и сами бежали. Полководцы, когда увидали, что войска их покинули и бежали, то и сами бежали. Всякий, кто мог захватить оружие и взять лошадь, тот садился на нее и бежал. Если кто бежал пешком, неся оружие, то, устав от пути, клал оружие на дорогу и бежал безоружным. Если кто ехал на лошади с оружием, то, устав, бросал свое оружие. Если уставала лошадь, то [всадник] сходил с нее и бежал. Персы же ехали за ними не спеша, не преследовали их, но смеясь, издеваясь и посмеиваясь над ними, что вот-де тех 120 тысяч, а их не более 30 тысяч, и они так их испугались, что бежали, тогда как их царя они не испугались и не бежали от него. Так, наконец, покрыли себя позором и дурной славой ромейские войска с их полководцами, тогда как персы и меча против них не обнажили, не натянули лука и не бросили копья. Они собрали все их оружие, кольчуги, панцири, щиты, шлемы, копья, мечи, луки и колчаны с бесчисленным количеством стрел. Наконец, стали рассказывать, и каждый говорил, что это случилось потому, что прогневили ромей Бога. Когда они пришли в эти северные области [Ирана], которые были христианскими, то священники, взяв Евангелие и кресты, выходили навстречу, а они не глядели на них. Ромей так распалялись

без страха Божия, что брали младенцев, одного-двух лет, хватали один за одну, другой за другую ногу и кидали их вверх, как могли, а когда они падали, принимали на копья и мечи, пронзали их и бросали собакам. Они также оскорбляли, убивали и грабили монахов, выводили затворников, мужей древних и почтенных, из затвора, в котором они были много лет. Они вешали их, мучили, мечом отрезали им срамные члены, говоря: “Дайте золото и серебро”. Они мучили также монахинь и доводили их до горькой смерти. Этим злом, которое они причиняли, они, как говорят, разгневали Бога, и он осрамил их и унизил перед врагами, и они не могли устоять перед ними» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 10, с. 518–519].

Надо полагать, что именно эти события и подразумевал Асолик, когда писал о бедствиях, обрушившихся на Армению «с обеих сторон», т. е. со стороны византийцев и со стороны персов [Асолик, 1864, с. 59] (см. выше). Разорение отступавшими византийскими войсками территории христианских кавказских стран не могло не изменить настроений местного населения, что в еще большей степени облегчило задачу Хосрова I по возвращении себе контроля над Персарменией и Картли. По словам все того же Иоанна Эфесского, Хосров I «написал слово к армянам, что он не сделает им зла и не будет поминать их глупости. Тогда они отпали от ромеев, пошли и отдались ему. Вся область, за исключением тех знатных, которые находились у императора в Константинополе, вся область около 20 тысяч, отпала, пришла и отдалась персам. Он возвратился и взял Армению [в подчинение], как прежде. Что касается глав одного из них, по имени Вардан, прочих бывших с ним вместе и с царем народа, по имени Горгоний, который также жил в столице с большой честью, то со всем своим народом они предали себя ромеям» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 11, с. 519].

Под упомянутыми 20 тысячами автором, несомненно, подразумевается численность перешедшего на сторону Ирана войска восставших. Содержание же этого отрывка из Иоанна Эфесского можно рассматривать как отражение того факта, что Хосров I вступил в переговоры с восставшими, в результате которых был издан указ шаханшаха об их прощении. Как показывают последующие события, под этот указ не попадали те, кто продолжал укрываться в Византии. Об их судьбе Иоанн Эфесский сообщает следующее.

Армянский католикос Иоанн II Габелян через два года после своего бегства в Константинополь умер. Вскоре после этого его

сподвижники, укрывавшиеся в византийской столице, перешли в халкедонитство. «Когда об этом услышали в их земле, разгневались на них прочие епископы и все жители и написали им резко... Поэтому они разделились, отделились и образовали сами по себе общину в одном из больших дворов, где жил один из их знатных (Вардан Мамиконян. – И. С.). Там собиралась многочисленная община после смерти их католикоса» [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 2. 23, с. 481]. Судьба этой общины исследуется в одной из работ В. А. Арутюновой-Фиданян [Арутюнова-Фиданян, 2003, с. 33–39].

Таким образом, события 577 г. усилили позиции Ирана в переговорах с Византией. Дальнейшее усиление этих позиций было связано с ухудшением международного положения Византии, когда летом 578 г. племя славян (Σκλαβίνοι) совершило крупное нападение на Фракию и Элладу [Менандр Протектор, 1860, отр. 49, с. 429; отр. 50, с. 432]. Это позволило Хосрову I ужесточить свои требования на переговорах с Византией. В одном из отрывков сочинения Менандра Протектора сообщается о том, что пока византийские послы Траян и Захарий занимались в Афраиле разработкой с персами условий мирного договора, Мебод отправил в набег на византийскую территорию Танхосро. Набег продолжался до тех пор, пока Траян не привез «определенного по договору золота» [Менандр Протектор, 1860, отр. 52, с. 436].

Это вынудило кесаря Тиберия I пойти на заключение союза с аварами против славян [там же, с. 432–433], а когда авары обрушились на славян, Тиберий I приступил к переброске части своих войск из Подунавья в Армению [там же, с. 436–437]. Во главе их Тиберий I поставил Маврикия (будущего византийского императора), назначив его стратигом Армении [Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 15. 10]. Судя по тому, что действия Маврикия затронули не только Армению, но практически всю линию фронта с Ираном, Маврикию было поручено общее командование византийскими войсками на границе с Ираном.

Хосров I, узнав о продвижении в Армению свежих византийских войск из Фракии, направил в набег на византийские провинции Осроену и Месопотамию дислоцированное в районе Дары 20-тысячное войско, состоявшее из персов, аравитян и савир [Менандр Протектор, 1860, отр. 52, с. 436–437]. По данным Феофилакты Симокатты, этот набег возглавлял военачальник Сарнахорган, причем это яви-

лось нарушением договора о перемирии на Востоке [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 11–12]. Иоанн Эфесский приписывает руководство этим походом другому персидскому военачальнику Адармахану [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 6, с. 511], имя которого другими византийскими авторами передается иначе: Евагрием Схоластиком как *Адаарман* [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 5. 9, с. 258], а Феофилактом Симокаттой – *Адормаан* [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 10. 7]. Надо полагать, что рейд Адармахана состоялся несколько позднее, когда Мебод Сарнахорган был направлен в Византию для возобновления мирных переговоров (см. ниже).

Между тем, свежая византийская армия во главе с Маврикием вышла к иранской границе и сразу же направилась в Персармению. Стоявший там Тамхосро, ввиду численного превосходства войск Маврикия, ушел от боестолкновения с ним на юг и, маневрируя, вышел на византийскую территорию. Разорив окрестности Амиды, он далее через Арзанену ушел в Иран [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 12; 3. 17. 8; Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 14, с. 522]. Маврикий, преследуя Тамхосро, прибыл в Арзанену. Оттуда он двинулся в направлении персидской крепости Сингарон близ Нисибина. Двум своим военачальникам, Курсу и магистру Феодору, Маврикий приказал переправиться через Тигр и разорять прилегающие иранские области, а сам занял Сингарон и зазимовал там (осень 578 г.) [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 13–15; 16. 1–2] (см. также: [*Иоанн Эфесский*, 2000, гл. 6. 15, с. 523–524]).

Тамхосро в это время вернулся в Персармению [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 57, с. 446], а Мебод был отправлен Хосровом I в Византию для возобновления мирных переговоров [там же, отр. 52, с. 437].

4 октября 578 г. Юстин II умер. Новым императором стал Тиберий I (578–582). В начале 579 г. он снова отправил в Иран придворного врача Захария и магистра Феодора. Они везли с собой пленных персов и письмо Тиберия I, в котором сообщалось о согласии уступить Ирану Персармению, Картли и Арзанену в обмен на Дару.

Одновременно с этим в Константинополь направилось персидское посольство во главе с Ферогдафом. Он вез послание Хосрова I с требованием выдачи мятежных армян и картлийцев и с предложением возобновления мирных переговоров. Тиберий I успел вернуть своих послов назад, после чего через Ферогдафа передал

Хосрову I те же условия заключения договора [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 56, с. 440–441]. Вслед за этим он снова направил Захария и Феодора к Хосрову I. Вероятно, Ирану и Византии удалось бы прийти к заключению мирного договора, но этому помешала смерть шаханшаха Хосрова I [там же, 1860, отр. 57, с. 442] в феврале 579 г.

Преемником Хосрова I стал его сын от тюркской принцессы Хормизд IV (579–590). Известие о смерти Хосрова I застало византийских послов в пути, но Тиберий I все же приказал им идти в Иран и передать мирные предложения Хормизду IV. На тот же случай, если Хормизд IV не захочет продолжить переговоры, Тиберий I приказал Маврикию с крупным войском выдвигаться на Восток [там же, отр. 57, с. 442].

Опасения Тиберия I оказались ненапрасными. Персы явно готовились к продолжению войны. Хормизд IV, вопреки установившейся традиции, не направил в Константинополь посольство с извещением о своем воцарении [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 17. 1]. По сообщению Менандра Протектора, персидский чиновник, встретивший византийских послов, вел их в Ктесифон окольными путями и очень медленно. По прибытии послов в иранскую столицу, они только через несколько дней были приняты Хормиздом IV, причем о мирном договоре речь даже не зашла. Только на втором приеме Хормизд IV согласился обсудить предложения императора, но и тут он оказался несговорчивым и заявил о необходимости выплаты Византией денег, которые Иран получал при императоре Юстиниане I, а также и о своем нежелании передачи Византии Дары [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 57, с. 443–446]. По данным же Феофилакта Симокатты, Хормизд IV кроме ежегодной дани требовал также возвращения Ирану Персармении и Картли [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 17. 2].

В дальнейшем с византийскими послами плохо обращались. Их три месяца не отпускали на родину, после чего путаными дорогам отправили обратно [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 57, с. 446]. Тот факт, что персы везли послов объездными путями, объясняется, вероятно, тем, что они пытались скрыть от византийцев свои военные приготовления в приграничной зоне.

Император Тиберий I, узнав о провале переговоров, отдал приказ Маврикию начать военные действия [там же, с. 447; *Theophylac-*

tus Symocatta, 1887, § 3. 17. 3]. По данным Иоанна Эфесского, армия Маврикия насчитывала 200 тыс. воинов [*Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 17, с. 525*]. В начале лета Маврикий направил Романа и Теодориха в набег на иранские области, лежащие за Тигром, а летом следующего 580 г. предпринял поход в Иран со стороны Аравии. В это же время персидский полководец Адармахан направился к городу Каллинику (Рака) в Осроене. Маврикию пришлось спешно выступить туда с отборными силами своей армии. Настигнув Адармахана, он разбил его [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 17. 3–11*] (см. также: [*Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 20, с. 276*])³².

Пока шли военные действия, Тиберий I снова отправил к Хормизду IV для переговоров придворного врача Захария. Однако шаханшах не проявил стремления к миру. Узнав о прибытии византийского посла, он не стал встречаться с ним, а выслал к нему для переговоров Андигана. Последний настаивал на прежних условиях заключения мира – византийцы ежегодно присылают персам деньги, выплачивавшиеся при Юстиниане I, уступают Ирану Арзанену, Персармению и Картли и отказываются от возвращения Дары. Однако Захарий соглашался уступить все эти страны только в обмен на Дару и без ежегодной уплаты денег. В ходе обсуждения этих условий Андиган стал угрожать, что Тамхосро, стоявший с войском близ Нисибина, будет отправлен в набег на византийскую территорию. Эта угроза привела к срыву переговоров [*Менандр Протектор, 1860, отр. 62, с. 451–456*].

В следующем 581 г. Тамхосро двинулся в сторону г. Константины в византийской провинции Месопотамии. Там его поджидала армия Маврикия. В сражении Тамхосро погиб, а его войско было разбито [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 18. 1–2; Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 26, с. 535*] (см. также: [*Евагрий Схоластик, 1997, гл. 5. 20, с. 276*]).

Весной 582 г. Маврикий отбыл в Константинополь. Спустя несколько месяцев Тиберий I умер. Новым императором был провозглашен Маврикий (582–602). Вместо себя главнокомандующим византийскими войсками на иранском фронте он поставил Иоанна Мистакона, исполнявшего до этого должность стратига Армении [*Higgins, 1939; Феофилакт Симокатта, 1957, с. 198, прим. 28*].

³² Ср., тем не менее, версию Иоанна Эфесского [*Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 17, с. 524–525*].

Приблизительно к этому времени относится сообщение «Картлис цховреба» о проводившихся Хормиздом IV преобразованиях в управлении Картлийским царством. В этом источнике сообщается следующее: «И помер Бакур, оставив малолетних детей, которые не могли удерживать царство.

Тогда царь персов Урмизд отдал Ран и Мовакан (Албания. – *Авт.*) сыну своему, коего звали Касре Амбарвез (будущий шаханшах Хосров II Парвиз. – *И. С.*). Пришел тот и сел в Барде, и стал сзывать *эриставов* картлийских: обещал им обильные добродейния и утвердил их владения в наследственность их грядущим поколениям и таковым лицемерием сманил их к себе. И отложились *эриставы*, и каждый сам приносил дань Касре Амбарвезу. А дети Бакура остались в горной Кахети. Дети же Мирдата – сына Вахтанга, которые правили в Кларджети и Джавахети, те остались в горах Кларджетских. Всей остальной Картли, Арменией и Аспураганом завладели персы и боролись с греками» [*Джуаншер Джуаншеряни*, 1986, с. 97] (ср.: [*Такайшвили*, 1900, с. 41, прим. 2]).

Таким образом, принц Хосров Парвиз разделил Картли на несколько удельных владений (эриставств) и передал управление ими потомкам Вахтанга Горгасала. Дети Бакура V получили в наследственное владение Кахетию и Мтиулети [*Такайшвили*, 1900, с. 41, прим. 2], впоследствии они же распространили свою власть на Уджарму, Кухети и Эрети [*Такайшвили*, 1900, с. 43, прим. 4] (Белоканский, Закатальский и Кахский районы совр. Азербайджанской Республики [*Мусхелишвили*, 1982, с. 16]). За потомками же царевича Мирдата, младшего сына Вахтанга Горгасала, были оставлены Кларджети и Джавахети [*Такайшвили*, 1900, с. 41, прим. 2], правда, на первое время правителем там был поставлен Гуарам Багратуни, который по матери приходился Вахтангу Горгасалу внуком [там же, с. 41, прим. 4].

Вся остальная часть Закавказья находилась под непосредственным управлением самого принца Хосрова Парвиза. Его резиденция находилась в городе Партаве. Туда стали стекаться и налоги с эриставств, находившихся под управлением потомков царя Вахтанга Горгасала [там же, с. 41, прим. 2].

В 586 г. Давид Сагаруни был назначен марзбаном Персармении. Приблизительно в это же время Гуарам Багратуни, до этого временно исполнявший должность правителя Кларджети, был переве-

ден на пост правителя Картли [Очерки истории Грузии, т. 2, 1988, с. 159–161].

По мнению А. А. Богверадзе и ряда других грузинских исследователей, Гуарам Багратуни еще в 572 г. перешел на сторону Византии, после чего император назначил его правителем Картли с титулом куропалат; позднее же шаханшах Хормизд IV сохранил за Гуарамом эту должность [там же, с. 161]. Но такая версия плохо согласуется с данными грузинских источников и с ходом событий на ирано-византийском пограничье. По сообщению «Картлис Цховреба», картлийские эриставы просили императора назначить им царя из потомков картлийских царей. Император удовлетворил их просьбу и назначил царем Гуарама, который по матери приходился внуком Вахтангу Горгасалу. При этом Гуараму был вручен византийский титул куропалат [*Джуаншер Джуаншериани*, 1986, с. 98; *Такайшвили*, 1900, с. 42–43, прим. 4]. Согласно же «Обращению Картли», эриставы сами выбрали Гуарама правителем [*Такайшвили*, 1900, с. 42] (см. также: [*Сумбат Давитис-дзе*, 1979, с. 45 прим. 12]). Сведения об этих событиях содержатся также в сочинении Сумбата Давитис-дзе [*Сумбат Давитис-дзе*, 1979, с. 27–29], но они плохо согласуются с данными других источников и по большей части легендарны.

Версиям «Картлис Цховреба» и «Обращения Картли» об обстоятельствах восшествия Гуарама Багратуни на трон Картли не противоречит находка монеты, датированной «7-м годом Хормизда» (586 г.). На ней изображены монограмма ГУРГЕН и портрет Хормизда IV [*Пахомов*, 1970, с. 18]. Грузинскими исследователями ГУРГЕН единодушно идентифицируется с Гуарамом Багратуни [Очерки истории Грузии, 1988, т. 2, с. 161, 163]. Отсюда следует, что последний уже позднее, в 589 г., перешел на сторону Византии, после чего ему и был вручен титул куропалата.

Итак, грузино-сасанидская монета позволяет датировать назначение Гуарама правителем Картли приблизительно 586 г., т. е. одновременно с назначением Давида Сагаруни марзбаном Персармении. Как можно предполагать, назначение Гуарама Багратуни правителем Картли произошло не без участия принца Хосрова Парвиза, резиденция которого по-прежнему находилась в Партаве. Последнее позволяло ему превосходно ориентироваться в обстановке, складывавшейся в Картли. Ему было известно, что

среди азнауров продолжали преобладать антииранские настроения, близкие к мятежным, и вручение в этих условиях власти престарелому, но очень энергичному и влиятельному Гуараму, внуку Вахтанга Горгасала, могло привлечь на его сторону значительную часть картлийского общества и приглушить мятежные настроения, исходившие от азнауров. Тем не менее самоутверждение Гуарама в новой должности проходило в очень трудной борьбе с местными дворянами, о чем свидетельствуют следующие слова Сумбата Давитис-дзе: «Но с тех времен, когда лишились царства потомки Горгасала, до них (Багратуни / Багратиони. – И. С.) в Картли господствовали азнауры, а конец власти азнауров Картли пришел по причине их злых деяний» [Сумбат Давитис-дзе, 1979, с. 28].

Назначение Гуарама правителем Картли было выгодно персам еще и по той причине, что он был связан с картлийской царской династией не по мужской, а по женской линии, и в перспективе не мог бы претендовать на царский титул, но, с другой стороны, поскольку родство Гуарама с картлийской династией было очень близким, то это помогло Ктесифону сгладить в Картли впечатление от упразднения в этой стране царского трона.

Военные действия на ирано-византийской границе возобновились в 583 г. Весной этого года персидский военачальник, носивший титул хардариган, осадил г. Афумон в Арзанене, а Иоанн Мистакон тогда же напал на близлежащую крепость Акбас. Хардариган ночным маршем вышел к Акбасу и внезапно атаковал византийцев с тыла. Понеся значительные потери, византийцы ударились в бегство [Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 12]. Летом того же 583 г. Иоанн Мистакон крупными силами вторгся в Арзанену, но опять был разбит хардариганом и с остатками своих войск отошел на византийскую территорию [Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 9. 4–11]. Это вынудило императора Маврикия снять Иоанна Мистакона с должности главнокомандующего и назначить на нее своего зятя Филиппика [Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 13. 1–2] (не ранее 14 августа 583 г. – см.: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 199, прим. 40]). Уже осенью того же 583 г. Филиппик предпринял успешное наступление на иранскую провинцию Забдицена [Theophylactus Symocatta, 1887, § 1. 13. 3–12], после чего совершил удачный набег на Арзанену [ibid., § 1. 14. 1], но весной следующего года тяжело заболел и отбыл в Константинополь [ibid., § 1. 14. 5, 10].

Весной 585 г., когда Филиппик вернулся в действующую армию, в Амиду прибыл иранский посол Мебод для переговоров [ibid., § 1. 15. 1]. Н. В. Пигулевская высказала предположение, что *Мебод* – это не имя, а среднеперсидское обозначение зороастрийского жреца – *мобед* [Пигулевская, 1946, с. 72]³³. Однако, не известно ни одного примера, когда *мобеды* выполняли бы роль дипломатов. Более вероятно, что *Мебод* – это не жрец, а военачальник, который в связи с несколько более ранними событиями фигурирует у Феофилакта Симокатты как полководец *Сарнахорган* [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 15. 7, 11], а у Менандра Протектора – как *Мебод Саннахоэриган* (о нем см. выше) [*Менандр Протектор*, 1860, отр. 48, с. 424–426]. Эту точку зрения можно обосновать и тем фактом, что, по данным Менандра Протектора, *Мебод* и до этого выполнял дипломатические поручения шаханшахов Хосрова I и Хормизда IV [там же, отр. 52, с. 437]. Кроме того, по сообщению Феофилакта Симокатты, *Мебод* в том же 585 г. командовал правым крылом персидского войска в сражении у реки Арзамон (см. ниже) [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 2. 3. 3], а позднее, в 589 г., этот же полководец упоминается Феофилактом Симокаттой как «*Мебод сын Сурена*», когда тот возглавлял персидское войско в сражении при Мартирополе [ibid., § 2. 5. 14].

На встрече с Филиппиком *Мебод* заявил о готовности Хормизда IV заключить перемирие в обмен на выплату византийцами денег, однако это предложение было отклонено. Через несколько дней к Филиппику прибыл другой иранский посол, озвучивший то же условие заключение перемирия, но император Маврикий приказал прервать переговоры и начать военные действия [ibid., § 2. 15].

Филиппик вторгся в иранскую провинцию Забдицена (Аравастан). Там у р. Арзамон состоялось крупное сражение, в котором иранское войско возглавлял персидский полководец, носивший титул хардариган. Под его командованием тогда и состоял военачальник *Мебод*, о котором говорилось выше. На стороне византийцев сражался аварский военачальник Апсих. Феофилакт Симокатта четырежды упоминает об этом военачальнике: в первый раз как о «*гунне*», находившемся в составе византийской армии [*Theophylac-*

³³ См. также: [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 200, прим. 60]. Ср. также перевод Н. В. Пигулевской *мобед* вместо *Мебод* в тексте Иоанна Эфесского [Иоанн Эфесский, 2000, гл. 6. 12, с. 520].

tus Symocatta, 1887, § 1. 14. 5], во второй раз – в связи с его участием в сражении у р. Арзамон, причем Апсих со своим войском стоял на левом фланге византийского войска [*ibid.*, § 2. 3. 1], и еще дважды – в связи с событиями во Фракии в 601 и 602 гг., когда Апсих выступал в качестве военачальника аварского кагана [*ibid.*, § 8. 5. 6, 13].

Дополнительный свет на византийско-аварский союз в этот период проливает сообщение Феофана Исповедника о том, что в год своей смерти (582 г.) император Тиберий, «купив рабов язычников, устроил из них полк под своим именем, одев и вооружив 5000, и дал им воеводою Маврикия комита федератов, а его помощником Нарсеса. И послал их против персов» [*Феофан Византиец, 1884, с. 192–193*]. Представляется очевидным, что этими язычниками были авары. Таким образом, данные Феофана Исповедника свидетельствуют о том, что заключение в 578 г. союза с аварами позволило Византии на какое-то время приостановить набеги славян (склавин), а спустя три года этот союз вылился в привлечение пятитысячного аварского войска во главе с Апсихом к войне против Ирана.

В сражении у р. Арзамон византийцы одержали победу над войском хардаригана и преследовали его до крепости Дары [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 2. 3–6*]. Вслед за этим Филиппик перешел в Арзанену и занялся ее разграблением. Хардариган же, оправившись от поражения, направился за Филиппиком, нанес ему сокрушительное поражение и заставил отступить на византийскую территорию. Отступая, Филиппик потерял весь арьергард. Столь неудачный исход кампании вынудил Филиппика передать командование войском Ираклию, отцу будущего императора Ираклия-младшего [*ibid.*, § 2. 7–9]. До наступления зимы Ираклий успел совершить успешный набег на иранские области за Тигром [*ibid.*, § 2. 10. 1–5].

Весной следующего 586 г. Филиппик, будучи больным, передал большую часть войска Ираклию и приказал ему атаковать территорию собственно Ирана [*ibid.*, § 2. 10. 6–7]. В числе взятых Ираклием крепостей был Беиудаес, при штурме которого отличился некто Сапир, первым взобравшийся на крепостную башню [*ibid.*, § 2. 18. 7–25]. По мнению П. Жубера, Сапир (Σάπειρ) – это, возможно, не имя, а этноним *savir* [*Goubert, 1951, vol. I, p. 101, n. 5*] (см. также: [*Феофилакт Симокатта, 1957, с. 202, прим. 31*]). Это предположение представляется вполне вероятным и мне.

Весной 588 г. император Маврикий снял Филиппика с должности командующего и назначил вместо него Приска. Однако армия не приняла этого назначения и подняла мятеж. Персы тем временем развернули наступление [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 1–3; *Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 6. 4–6]. В середине мая в их руках оказался Мартирополь – город был передан персам комендантом города Ситтой [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 5. 11–14; *Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 6. 14] (армянская форма этого имени – *Цита*).

Сразу же вслед за этим Филиппик, возвращенный императором на должность командующего, направился с войсками к Мартирополю. Хормизд IV направил против Филиппика Мебода сына Сурена. Из Армении на помощь Мебоду был направлен полководец Афрат. Соединившись, персы разбили Филиппика и тем самым отстояли Мартирополь [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 5. 11–16], однако Мебод погиб в битве [*ibid.*, § 3. 6. 3] (см. также: [*Евагрий Схоластик*, 1997, гл. 6. 14]).

Император Маврикий снова снял Филиппика с поста командующего и назначил Коментиола. Тот сразу же направился к крепости Сисарван близ Нисибина, куда перешел Афрат. Афрат пал на поле боя, а его войско было разбито [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 3. 6. 1–4].

Разгром Афрата явился тяжелой потерей для Ирана [*Пигулевская*, 1946, с. 80; *Гумилёв*, 1967, с. 124], но военные ресурсы персов были далеко не исчерпаны, и они вполне были способны на реванш в этой войне. Однако победа византийцев при Сисарване оказалось важной не только в военном, но и в стратегическом плане, так как, хотя и на время, но все же ослабила Сасанидское государство, а последнее подвигло к нападению на Иран арабов. Два арабских вождя, воспользовавшись сложившейся ситуацией, разграбили юго-западные области Ирана вплоть до Евфрата [*Noldeke*, 1879, S. 270; *Mohl*, 1938, vol. 6, p. 566]. Однако, что было еще опасней, одновременно с этим в войну против Ирана вступил Тюркский каганат [*Noldeke*, 1879, S. 268–269; *at-Tabari*, 1879, ser. I, p. 991; *Mohl*, 1938, vol. 6, p. 568].

Л. Н. Гумилёв предполагал, что тюрки согласовывали свои действия против персов с Византией [*Гумилёв*, 1967, с. 126]. В другом месте своей работы он со ссылкой на сообщение «Картлис цховреба» говорит о том, что тюрки и византийцы не заключали между

собой союза, но координировали свои действия через Гуарама Багратуни [Гумилёв, 1967, с. 120]. Однако данные источника, на которые ссылается Л. Н. Гумилёв, не содержат каких-либо намеков на возможность указанной координации: «Тогда кесарь выслал куropалату Гуараму великие сокровища и повелел ему на те сокровища собрать и вывести с севера ополчение и, присовокупив к нему воинов картлийских, отправить их в Персию. Гуарам же поступил так: вывел овсов, дурдзуков и дидоев и дал им в предводители эриставов картлийских. Вступил в Адарбадаган и приступил к захвату. И таковые беды и неурядицы свалились на персов» [Джуаншер Джуаншеруани, 1986, с. 98].

Здесь следует также отметить, что после заключения в 570 г. византийско-аварского договора, который и вызвал нападения Тюркского каганата на Византию, византийско-аварские отношения продолжали расширяться и углубляться. Иначе говоря, византийско-аварский союз в 589 г. еще не успел потерять своей актуальности и продолжал оставаться главным раздражителем для тюрков. Да и византийцы едва ли успели забыть о тюркских атаках в Крыму. Следовательно, в этот период ни у Византии, ни у Тюркского каганата не было поводов для нового сближения друг с другом. Да и общеполитическая ситуация не требовала согласования между тюрками и византийцами своих действий против Ирана – тюркский каган просто воспользовался благоприятной ситуацией и, пока наиболее боеспособные персидские части были связаны военными действиями на западе, напал на кавказские и среднеазиатские провинции Ирана. И в этом смысле утверждение С. Б. Сорочана о том, что Тюркский каганат в этот период принимал «участие в войне с персами на стороне ромеев» [Сорочан, 2013, с. 149], представляется необоснованным, так как оно не опирается на источники.

Со стороны Кавказа наступление на Иран предприняли кавказские подданные тюркского кагана – хазары. По сообщению ат-Табари, их нападению подверглись Армения и Азербайджан [at-Tabari, 1879, ser. I, p. 991]. По данным же Фирдоуси, хазары прошли в Закавказье по «хазарской дороге» [Mohl, 1938, vol. 6, p. 566]. Л. Н. Гумилёв идентифицировал ее с Дарьяльским проходом [Гумилёв, 1967, с. 125]. Однако более вероятным представляется, что речь должна идти о Дербентском проходе. На это указывают следующие факты.

Если бы нападение хазар происходило через Дарьяльское ущелье, то оно бы затронуло территорию Картли, а это нашло бы отражение в грузинских источниках, но поскольку все грузинские хроники молчат об этом рейде, то можно полагать, что он не достиг территории Картли. Кроме того, для хазар путь через Дарьял являлся круглым: поскольку они локализируются на Нижнем Тереке – до западной части волжской дельты [Семёнов, 2011, с. 46–50], то им географически значительно ближе был Дербентский проход, который, кстати, был им и лучше знаком. При этом новые дербентские укрепления не являлись столь уж непреодолимым препятствием: как показывают более поздние события, эти фортификации неоднократно брались штурмом, в том числе теми же хазарами. И наконец, использование иранским автором наименования «хазарская дорога» свидетельствует о том, что речь идет о традиционном торговом пути, который в военное время служил маршрутом для переброски хазарских войск. Таковым и в предшествующий, и в последующий периоды являлся путь вдоль западного берега Каспийского моря, т. е. через Дербент.

В «Картлис цховреба» сообщается следующее: «Вслед за этим, спустя немного лет (после назначения принца Хосрова Парвиза правителем Албании и Картли. – *Авт.*), в Персии случилась великая смута, ибо вторгся в нее царь турок; пришли греки, схватились с персами в Междуречье, обратили их в бегство и вступили в Персию и приступили к ее завоеванию. Тогда Касре Амбарвез покинул Ран и Картли и двинулся на подмогу отцу своему» [Джуаншер Джуаншеряни, 1986, с. 98] (ср.: [Такайшвили, 1900, с. 42, прим. 4]).

Здесь, несомненно, речь идет о поражении персов от византийцев при Сисарване и о нападении тюрков на Иран. Что же касается ухода принца Хосрова Парвиза из Закавказья, то оно, вероятно, было вызвано наступлением хазар, а вовсе не стремлением помочь отцу в войне против тюрков и византийцев, так как поражение персов от византийцев при Сисарване имело место несколько позднее. Отсюда следует, что возвращение Хосрова Парвиза в Ктесифон было ничем иным, как отступлением от прорвавшихся в Закавказье хазар.

Хазары к этому времени были уже включены в состав Тюркского каганата, и несомненно, что их выступление в Закавказье было спланировано в ставке тюркского кагана. Судя по всему, основная задача хазар состояла в отвлечении внимания персов от ситуации

в Средней Азии, где тюркский каган сосредоточил главные силы, которые и должны были произвести решающую атаку. Разумеется, при этом хазары оттянули на себя и определенную часть войск противника.

Успех хазарских войск в Закавказье был ошеломительным, а последовавшие за этим нападение арабов, наступление тюркского кагана в Средней Азии и успех византийцев под Нисибином поставили Иран на грань катастрофы. Судя по всему, именно в это время Гуарам и перешел на сторону византийцев; как предполагалось выше, Маврикий сохранил за ним власть над Картли и дал ему титул куропалата. Гуараму были также направлены деньги, на которые он нанял войска «овсов, дурдзуков и дидо» и, поставив во главе их картлийских эриставов, направил в набег на Адурбадаган [*Такайшвили, 1900, с. 124, прим. 3*]. Таким образом, измена Гуарамы стала для персов вдвойне тяжелой.

Главную опасность для Ирана в это время представляли тюрки. Против них шаханшах Хормизд IV направил Варахрана Михра, правителя Хорасана. Этот полководец, известный в позднейшей персидской традиции как Бахрам Чубин, происходил из парфянского рода Михр [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 18. 6, 10*]. Несмотря на малочисленность своего войска, он разбил тюркскую армию и, преследуя отступающего противника, глубоко вклинился на его территорию³⁴. После успешной кампании в Средней Азии Варахран Михр был направлен на Кавказ. Феофилакт Симокатта сообщает только о противоборстве Варахрана с византийскими войсками, но, как обоснованно предполагала Н. В. Пигулевская, в задачу этого военачальника входило и вытеснение из Закавказья хазарских войск [*Пигулевская, 1946, с. 82*]. Что же касается картлийских войск и войск «овсов, дурдзуков и дидо», которые Гуарамом Багратуни были привлечены к набегу на Адурбадаган, то они «вернулись к себе, ибо как только персы разделались с турками, картлийцы оробели, и напал на них страх и трепет перед персами. И начал сей куропалат Гуарам укреплять крепости и города» [*Джуаншер Джуаншеряни, 1986, с. 98*].

Как сообщает Феофилакт Симокатта, Хормизд IV направил Варахрана против Свании, и тот, опустошив эту страну и переправив

³⁴ Реконструкцию хода военных действий см.: [*Гумилёв, 1960; Гумилёв, 1967, с. 126–132*].

захваченные там трофеи в Иран, отошел в Албанию к р. Аракс [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 6. 7–8, 15–16*]. Но в свете данных цитировавшегося выше грузинского источника, надо полагать, что атакам Варахрана Михра подверглась не только Свания, но и другие области Грузии, в том числе и Картли. Внимание же византийского историка именно к Свании объясняется только тем, что на тот момент эта область входила в состав византийских владений. Что же касается последующего отхода Варахрана в Албанию, то он, скорее всего, был связан с подходом в Лазику византийских войск во главе со стратигом Романом.

Роман прошел из Лазики в Албанию, а Варахран, намереваясь заманить его вглубь иранской территории, стал отходить. Он переправился через Аракс и отошел к Гандзаку. Роман продвигался за ним, но Варахран, маневрируя, снова вышел к Араксу и оттуда стал совершать набеги на византийскую территорию. Чтобы не оказаться отрезанным от Византии, Роману пришлось отступить в Албанию. Там он, несмотря на численное превосходство противника, решил вступить в решающее сражение. Он отобрал из своего войска 10 тыс. наиболее боеспособных воинов и, приказав остальным охранять лагерь, выступил навстречу Варахрану.

Приблизившись к противнику, Роман бросил в атаку 2 тысячи воинов. Те смяли выступившее против них персидское войско и, прижав его к отвесному берегу р. Аракс, нанесли ему значительный урон. Византийцы преследовали персов вплоть до их лагеря, после чего вернулись к своим главным силам.

После этого оба войска вышли в равнинную часть Албании и сблизилась у Аракса. Разделенные рекой противники два дня простояли друг против друга, а на третий день парламентар персов предложил византийцам дать возможность персам беспрепятственно форсировать Аракс и вступить в решающее сражение. Роман дал согласие. На следующий день Роман отошел от реки, а персы перешли ее и устроили лагерь на левом берегу Аракса. Сражение началось на следующий день.

В битве византийцы сильно потеснили вражеский центр, и Варахран был вынужден перебросить туда часть войска с левого фланга. После этого византийцы ожесточенно набросились на ослабленный фланг противника и, смяв его, обратили в бегство все персидское войско [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 3. 7. 2–18*].

Узнав о поражении Варахрана, Хормизд IV приказал ему сдать командование войсками и явиться ко двору. Однако Варахран настроил своих воинов против шаханшаха и поднял мятеж. Направленное против мятежника войско перешло на сторону Варахрана. Вслед за этим Варахран провел воинский набор в Адурбадагане и направился со своей армией в Ктесифон.

Недовольство Хормиздом IV зрело не только в войсках. Еще до того, как Варахран подошел к Ктесифону, там созрел заговор против шаханшаха. Главой заговорщиков являлся Бестам, шурин Хормизда IV. Бестам силой освободил из тюрьмы своего брата Биндою, посаженного туда Хормиздом IV, а затем ворвался во дворец, арестовал шаханшаха и ослепил его. Новым шаханшахом Бестам и Биндой посадили одного из сыновей Хормизда IV – Хосрова II Парвиза (590–628) [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 4. 3. 5–15; 7. 1*].

Варахран тем временем, ожидая исхода событий, стоял лагерем в Ассирии, у р. Большой Заб, а в это же время стратиг Армении Иоанн Мистакон осаждал Двин и разорял Адурбадаган [*Феофан Византиец, 1884, с. 200–201; Себеос, 1939, гл. 4*]. Но персам было уже не до византийцев: главную опасность для Ирана в этот период представляли мятежные войска во главе с Варахраном. И в первую очередь Хосрову II было необходимо разбить мятежников. Несмотря на то, что Хосров II не очень доверял своим военачальникам, ему все же пришлось выступить с армией в Ассирию. Там в ходе боев с войсками Варахрана он приказал арестовать нескольких командиров, заподозренных в связях с мятежниками. Это не снискало ему любви в армии, на которую, кроме того, разлагающе действовали письма, подсылаемые Варахраном. В итоге армия взбунтовалась и перешла на сторону Варахрана, а Хосров II и находившийся при нем Бестам были вынуждены бежать [*Theophylactus Symocatta, 1887, § 4. 9. 1–10*]. Варахран вступил в Ктесифон и был провозглашен шаханшахом.

Шаханшах Хосров II и его сторонники сочли разумным искать убежища в Византии. Император Маврикий, узнав о неожиданном прибытии в Византию иранского шаханшаха, отдал приказ сопроводить его в г. Иераполь и оказывать ему царские почести. Вслед за этим Маврикий усыновил Хосрова II и, тем самым, признал его права на иранский трон. Он передал Хосрову II пленных персидских воинов и выделил ему значительную сумму денег для раздачи

оставшимся верными ему войскам [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 2. 6]. Стратигу Востока Нерсесу и стратигу Армении Иоанну Мистакону был отдан приказ о подготовке войск к походу против Варахрана [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 2. 8].

Хосров II отправил Бестама в Персармению для того, чтобы набрать там войска для борьбы с Варахраном. Брат же Бестама, Биндой, оказавшись в руках узурпатора, был взят под арест, но сумел бежать. Добравшись до Адурбадагана, он встретил брата, и они уже вдвоем, используя все свое влияние, занялись воинским набором. В Персармении ими было собрано 15 тыс. воинов, а в Адурбадагане – 8 тыс. Эти войска были присоединены к армии Иоанна Мистакона и весной 591 г. вместе с ним направились к Ктесифону, куда несколько ранее выступили войска во главе со стратигом Востока Нерсесом и Хосровом II.

Варахран выступил им навстречу и попытался воспрепятствовать соединению двух византийских армий, но это ему не удалось [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 8. 2–3; 9. 3]. Византийцы взяли Селевкию и Ктесифон [*ibid.*, § 5. 6. 7, 10], а затем вступили в сражение с Варахраном у р. Малый Заб. Варахран был разбит [*ibid.*, § 5. 9. 10–12; 10. 1–2]. Преследуя его, Хосров II навязал ему сражение близ г. Гандзака и одержал там решительную победу [*ibid.*, § 5. 10. 4–12; Себеос, 1939, гл. 5]. Варахрану пришлось бежать в Тюркский каганат, и вскоре он там погиб [Себеос, 1939, гл. 5; Феофан Византиец, 1884, с. 202–203].

Хосров II, вернувшись в Ктесифон, расправился там со всеми вельможами, так или иначе замешанных в мятеже, а еще раньше полководец Хосрова II Мебод перебил в Ктесифоне множество евреев, открыто поддержавших узурпатора [*Theophylactus Symocatta*, 1887, § 5. 7. 5, 10].

Итак, с помощью византийских войск Хосрову II удалось вернуться в Иран и утвердиться на троне, но помощь императора Маврикия обошлась Сасанидской державе очень недешево: по договору, заключенному в 591 г., весь запад Большой Армении, а также г. Нисибин и значительная часть Картли были уступлены Византийской империи. По словам Себеоса, к Византии отошли следующие территории: «страны сирийские – весь Аруастан до города Низибина; из земли армянской – страна танутираканского княжества, до Арарата и города Двина, до берегов бзнунийского моря и

Арвеставана; большая часть Иверии до города Тифлиса» [Себеос, 1939, гл. 5] (цит. пер.: [Себеос, 1862, с. 35]).

Таким образом, ирано-византийская война 572–590 гг. завершилась. В ходе нее проявилось крайнее нежелание Сасанидов идти на какие-либо территориальные уступки Византии в этом регионе. Так, например, заключавшиеся временные перемирия Хосров I, как правило, отказывался распространять на Кавказ. Еще один штрих, характеризующий повышенное внимание Сасанидов к этому региону, состоит в том, что воцарившийся в Иране шаханшах Хормизд IV назначил наместником Албании и Картли своего сына Хосрова (будущий шаханшах Хосров II).

В длительном военном противоборстве с Византией значение Кавказа для Ирана непрерывно усиливалось. Вследствие этого Сасаниды постепенно отказывались от практики притеснения кавказских христиан и навязывания им зороастризма и делали максимум возможного для привлечения на свою сторону симпатий военно-политической элиты Армении, Албании и Картли. Виднейшие армянские нахарары назначались на крупные административные и военные посты в различных частях Сасанидского государства.

Усиление этих тенденций во внутренней политике Ирана происходит в правление Хосрова II и его преемников. Вследствие этого усиливается интеграция населения кавказских провинций Ирана в общеполитическое и культурное пространство Сасанидского государства [Хуршудян, 2003, с. 22–23]. На Кавказе в этот период прекращаются крупные антисасанидские восстания, а закавказские войска принимают активное участие во всех последующих войнах Сасанидского государства до самого его падения.

Литература

Айбабин А. И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999.

Алиев И. Г., Асланов Г. М. К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 3. Орджоникидзе, 1975.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

- Арутюнова-Фиданян В. А.* К вопросу об армяно-халкидонитской общине (VII в.) // *Автѳшров: К 75-летию академика РАН Г. Г. Литаврина / ИВИ РАН; Отв. ред. И. С. Чичуров. СПб., 2003. (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).*
- Ал-Баладзори.* Книга завоевания стран [Текст 4-х глав] / Текст и пер. с арабск. П. К. Жузе // *Материалы по истории Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1927.*
- Вессьер де ла Э.* Дяди и братья: каганы Ашина и тюркский словарь родства // *Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. II. Самарканд, 2014.*
- Гаджиев М. С.* Лпиния (исторические факты, локализация, этническая принадлежность) // *Дагестан в эпоху Великого переселения народов (Этногенетические исследования). Махачкала, 1998.*
- Гаджиев М. С.* Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи № 3) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. № 1. Махачкала, 2006а.*
- Гаджиев М. С.* Этапы градостроительной и фортификационной деятельности Сасанидов на Восточном Кавказе // *Ирано-дагестанские культурные и исторические связи: история и перспективы развития. Махачкала, 2006б.*
- Гаджиев М. С., Касумова С. Ю.* Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М., 2006.
- Гаджиев М. С.* Градостроительная и фортификационная деятельность Кавада I в Кавказской Албании // *Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Фѳдорова-Давыдова 2–6 октября 2011 года. Астрахань, 2011.*
- Гаджиев М. С.* Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // *Очерки средневековой археологии Кавказа. К 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова / Отв. ред. В. И. Козенкова. М., 2013.*
- Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гошладзе В. И.* Политическое развитие Картли с начала VI в. до конца 30-х гг. VII в. / Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Тбилиси, 1979.
- Гумилѳев Л. Н.* Война 589 г. и Гератская битва // *Изв. отделения общественных наук АН Тадж. ССР. 1960. № 2(23).*
- Гумилѳев Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокаты и в действительности // *Византийский временник. Т. XX. Л.–М., 1961.*
- Гумилѳев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Джуаншер Джуаншериани.* Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986.

- ЕвагриЙ Схоластик*. Церковная история / Пер. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой; примеч. А. М. Калинина. М., 1997.
- Ибн-ал-Факих*. Книга стран / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 31. Тифлис, 1902.
- Ибн-Хаукаль*. Из «Книги путей и царств» / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908.
- Иованнес Драсханакертци*. История Армении / Пер. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986.
- Ал-Истахрий*. Книга путей царств / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей: Древность и средневековье. СПб., 2000.
- Колесников А. И.* Новые сведения о расселении хазар в Кавказской Албании // Православный палестинский сборник. Вып. 35(98). Сборник памяти Н. В. Пигулевской / Отв. ред. О. Г. Пересыпкина. СПб., 1998.
- Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, пер., комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.
- Круглов Е. В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.
- Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 2. 518–602 гг. СПб., 1996.
- Материалы по истории Азербайджана из Тарих-ал-камиль (Полного свода истории) Ибн-ал-Асира / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1940.
- Мерперт Н. Я.* Авары в Восточной Европе // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М, 1958.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Мовсэс Каланкатуац*. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбацяна. Ереван, 1984.
- Могаричев Ю. М.* Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. Симферополь, 2000.
- Ал-Мукаддасий*. Лучшее из делений для познания климатов / Пер. Н. К. Караулова // СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908.
- Мухелишвили Д. Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шахи и Гогарена). Тбилиси, 1982.
- Очерки истории Грузии. Т. 2. Тбилиси, 1988.
- Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси, 1970.
- Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.–Л., 1946.
- Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. М.–Л., 1951.

- Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
- Ромашов С. А.* Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. XI. Wiesbaden, 2001.
- Ромашов С. А.* От тюрков к хазарам: Северный Кавказ в VI–VII вв. // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Семёнов И. Г.* Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002.
- Семёнов И. Г.* Локализация савир по данным Прокопия Кесарийского и «Армянской географии» VII века // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Астрахань, 2–6 октября 2011 года. Астрахань, 2011.
- Семёнов И. Г.* Политические отношения савир с Ираном и Византией в первой трети VI века // *Caucasica*. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2 / Под ред. В. А. Захарова. М., 2013.
- Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории культуры. Ч. I. Харьков–Москва, 2013.
- Сумбат Давитис-дзе.* История и повествование о Багратионах / Пер. введен. и прим. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1979.
- Такайшвили Е. С.* Источники грузинских летописей: Три хроники // СМОМПК. Вып. 28. Тифлис, 1900.
- Феофилакт Симокатта.* История / Вступ. ст. Н. В. Пигулевской; Пер. С. П. Кондратьева; Прим. К. А. Осиповой. М., 1957.
- Халилов Дж. А., Аразова Р. Б., Ахундов Т. И., Кошкарлы К. О.* Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1982.
- Хуршудян Э. Ш.* Армения и Сасанидский Иран (Историко-культурологическое исследование). Алматы, 2003.
- Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана»: «Бревиарий» Никифора / Тексты, переводы, коммент. М., 1980.
- Шихсаидов А. Р.* Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.
- Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
- Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Vol. II. London, 1899.
- Chavannes E.* Documentes sur les Tou'kiue (Turcs) occidentaux. // Сб. трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. СПб., 1903.

- Dobrovits M.* "They Called Themselves Avar" – Considering the Pseudo-Avar Question in the Work by Theophylactos // *Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday* / Ed. by M. Compareti, P. Raffeta, G. Scarcia. Venezia: Cafoscarina, 2006.
- Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars. Princenton (N.Y.): Princenton University Press, 1954 (Princenton Oriental Studies. Vol. 16).
- Evagrius Scholasticus.* The ecclesiastical history of Evagrius with the scholia / Ed. with introduction, critical notes, and indices by J. Bidez; L. Parmentier. London: Methuen & Co., 1898 (Ser. "Byzantine texts ed. by J.B. Bury").
- Franke O.* Geschichte des Chinesischen Reiches. Bd. 3. Berlin, 1935.
- Gadjiev M. S.* On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // Iran and the Caucasus. Vol. 12. No. 1. Yerevan–Leiden, 2008.
- Goubert P.* Byzance avant l'Islam. Vol. I. Paris, 1951.
- Haussig H. W.* Theophilakts Exkurs über die Skythischen Völker // *Byzantion*. Vol. XXIII. Bruxelles, 1954.
- Haussig H. W.* Die Quellen über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Awaren // *Central Asiatic Journal*. II. [1957].
- Ioannes Ephesinus.* Historia Ecclesiastica pars tertia / Ed. E. W. Brook. Parisiis, 1935.
- Ioannes Malalas.* Chronographia / Ex recensione L. Dindorfii. Bonnae, 1831.
- Joshua the Stylite.* The Chronicle of Joshua the Stylite, composed in Syriae A.D. 505 / With a Translation and Notes by W. Wright. Cambridge, 1882.
- Lebeau Ch.* Histoire du Bas-Empire / Ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Vol. X. Paris, 1824.
- Ludwig D.* Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982.
- Maenchen-Helfen O. J.* The World of the Huns (Studies of Their History and Culture / Ed. by Max Knicht. Berkley–Los Angeles: University of California Press, 1973.
- Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
- Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: ethnologische u. historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903.
- Marquart J.* Die altbulgarische Ausdrücke in Inschriften von Catalar und die altbulgarischen Fürstenliste // *Изв. Русского Археологического института в Константинополе*. Т. 15. 1911.
- Marquart J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert // *Ungarische Jahrbücher (Uraj-Altäische Jahrbücher)*. 4. [1924]
- Menander Protector.* Fragmenta / Ed. C. Müller // *Fragmenta historicorum graecorum*. Vol. IV. Parisiis, 1868; Paris, 1928.

- Menanderi Fragmenta / Historici Graeci minores. Vol. 11 / Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1871.
- Minorsky V. Studies in Caucasian History // Cambridge Oriental Series. № 6. London, 1953.
- Mohl J. Le Livre des Rois. Vol. 6. Paris: Imprimerie nationale, 1938.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I–II. Berlin. 1958.
- Noldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879.
- Tha'alibi. Histoire des rois des Persers / Trad. par H. Zotenberg. Paris, 1900.

Список сокращений

- Асолик, 1864 – Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозвию, писателя XI столетия. Переведена с арм. и объяснена Н. Эминым. М., 1864.
- Иоанн Эфесский, 2000 – Главы из «Церковной истории» Иоанна Эфесского // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.
- Менандр Протектор, 1860 – Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.
- Себеос, 1862 – История императора Иракла: Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1862.
- Себеос, 1939 – История епископа Себеоса / Пер. с 4-го исправленного армянского издания, предисл. и коммент. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939.
- СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
- Феофан Византиец, 1884 – Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского; предисл. О. М. Бодянского. М., 1884.
- at-Tabari, 1879 – Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis / Ed. M.J. de Goeje. Ser. I. Lugduni Batavorum, 1879.
- Theophylactus Symocatta, 1887 – Theophylacti Symocattae historiae / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.

I. Г Семёнов

Кавказ у політичних взаємовідносинах Ірану з Візантією і Тюркским каганатом в 556–591 роках

Резюме

Статтю присвячено аналізу подій на Кавказі в другій половині VI – на початку VII ст., під час останніх ірано-візантійських воєн. На основі порівняльного аналізу даних вірменських, грузинських, візантійських, сирійських та мусульманських джерел автор статті відзначив, що активними учасника-

ми цих подій були не лише візантіїці, перси, албанці, вірмени та грузини, а й тюрки, савіри, хозари, алани та інші північні народи. В результаті, автором дослідження вдалося дійти до висновку, згідно з яким в тривалому військовому протистоянні з Візантією значення Кавказу для Сасанідського Ірану безперервно посилювалося. Внаслідок цього Сасаніди поступово відмовляються від практики утиску кавказьких християн та нав'язування ним зороастризму і роблять максимум можливого для привертання на свій бік симпатій військово-політичної еліти Вірменії, Албанії та Картлі.

Ключові слова: Сасанідський Іран, Візантія, савіри, утигури, алани, хозари, Тюркський каганат, Кавказ, Вірменія, Албанія, Картлі (Іберія), Дербент.

И. Г. Семёнов

**Кавказ в политических отношениях Ирана
с Византией и Тюркским каганатом в 556–591 годах**

Резюме

Статья посвящена анализу событий на Кавказе во второй половине VI – начале VII вв., во время последних ирано-византийских войн. На основе сопоставительного анализа данных армянских, грузинских, византийских, сирийских и мусульманских источников автор статьи отметил, что активными участниками этих событий были не только византийцы, персы, албанцы, армяне и грузины, но также тюрки, савиры, хазары, аланы и другие северные народы. В конечном итоге, автору исследования удалось прийти к выводу, согласно которому в длительном военном противоборстве с Византией значение Кавказа для Сасанидского Ирана непрерывно усиливалось. Вследствие этого Сасаниды постепенно отказываются от практики притеснения кавказских христиан и навязывания им зороастризма и делают максимум возможного для привлечения на свою сторону симпатий военно-политической элиты Армении, Албании и Картли.

Ключевые слова: Сасанидский Иран, Византия, савиры, утигуры, аланы, хазары, Тюркский каганат, Кавказ, Армения, Албания, Картли (Иберия), Дербент.

I. G. Semenov

**Caucasus in the Political Relationships
of Iran with Byzantium and Turk Kaganate in 556–591 AD**

Summary

This article is dedicated to the analysis of events on Caucasus in the second half of VI – beginning of VII centuries AD., during the last Iranian-Byzantium wars. According to the data of comparable analysis of Armenian, Geor-

gian, Byzantine, Syrian and Moslem sources the author of this article marked that the active participants of these events were not only the Byzantines, Persians, Albanians, Armenians and Georgians, but also the Turks, Savirs, Khazars, Alans and other North peoples. As a result, author of research succeeded to come to the conclusion that the value of Caucasus increased for Sasanid Iran continuously in the protracted military opposing with Byzantium. Hereupon Sasanids gradually were renouncing a practice of oppression of the Caucasian Christians and imposing by him zoroastrianism and they were doing at most possible for bringing on their side the liking of military-political elite of Armenia, Albania and Kartli.

Keywords: Sasanid Iran, Byzantium, Savirs, Utigurs, Alans, Khazars, Turk kaganate, Caucasus, Armenia, Albania, Kartli (Iberia), Derbent.